

КРЫСИНЫЙ ОСТРОВ

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Ю НЕСБЁ

В МИРЕ ПРОДАНО 50 000 000 КНИГ Ю НЕСБЁ

ВПЕРВЫЕ
НА
РУССКОМ

Ю Несбё
«Крысиный остров»
и другие истории
Серия «Звезды мирового детектива»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66812908

*«Крысиный остров» и другие истории: Азбука, Азбука-Антикус; СПб.;
2022*

ISBN 978-5-389-20632-8

Аннотация

Ю Несбё, норвежский писатель и ведущий представитель северного нуара, не перестает удивлять. Ломая стереотипы, пренебрегая правилами жанра, он показывает человека так откровенно, как если бы мы сами смотрели в зеркало, боясь себе признаться: это я. «В моей голове нет и не будет никакой цензуры», – утверждает Несбё. Он никогда не раскрывает своих замыслов заранее, и до недавнего времени было известно лишь то, что писатель работает над двумя сборниками короткой прозы. В первый из них вошли семь криминальных историй, объединенных темой ревности. Во втором – Несбё обращается к теме гибели человечества.

Наша цивилизация гибнет медленно, но неотвратимо, рушатся устои общества, люди теряют человеческий облик – но

это слишком общие фразы для такого непредсказуемого, неоднозначного, парадоксального автора. Несбё, как никто другой, умеет маневрировать между темами, менять ракурс, он то перевоплощается в своих героев, то изучает их отстраненно, и в их поступках на фоне обыденности или, напротив, в совершенно фантастической ситуации проявляются роковые противоречия современного мировоззрения, моральный релятивизм, заводящий человечество в тупик самоуничтожения. Человеку свойственно ошибаться, но, пока он мечется между черным и белым на краю пропасти, у него есть шанс на спасение...

Впервые на русском!

Подробный гид по творчеству Ю Несбё читайте в [ЛитРес: Журнале](#)

Содержание

Крысиный остров	6
I	6
II	13
III	26
IV	34
V	44
VI	54
VII	67
VIII	81
IX	102
X	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ю Несбё

«Крысиный остров»

и другие истории

Jo Nesbø

ROTTEØYA OG ANDRE FORTELLINGER

Copyright © Jo Nesbø 2021

Published by agreement with Salomonsson Agency

All rights reserved

© А. В. Наумова, Д. А. Гоголева, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Крысиный остров

I

Ветер лениво трепал сигнальный фал. Я оглядел город. На удивление мирный. Хотя с крыши девяностоэтажного небоскреба не разглядишь человеческих муравьев, которые прячутся и охотятся на улицах. Не услышишь криков тех, кого избивают, мольбы о пощаде, не услышишь, как щелкает курок. Зато слышно выстрелы. Рев одинокого мотоцикла. И теперь в темноте видно пожары.

Разумеется, отсюда, сверху, большинство из них кажутся крохотными. Подожженные автомобили, будто уютные фонарики, озаряют улицы, где настоящие фонари давно прекратили свое существование.

Внизу послышалась пулеметная очередь, впрочем непродолжительная. Они молодые, однако усвоили, когда полагается остановиться, чтобы оружие не нагрелось. А еще усвоили, что требуется для выживания в такую эпоху. Или, точнее говоря, чтобы прожить чуть дольше того, кому нужно то же, что и тебе: еда, оружие, жилье, бензин, одежда, наркота, женщина или несколько, чтобы обеспечить будущее мужским генам. Там внизу – не побрезгуем клише – джунгли. И джунгли эти все ближе, даже не день ото дня, а час от часу.

Готов поспорить, что здание, на крыше которого мы стоим, еще до рассвета превратится в часть джунглей.

Отсюда, сверху, вывозят тех, у кого есть возможность свалить. Элиту, богатейших из богатых, тех, кому хватило бабла на билет. Я стоял и разглядывал их, последнюю группу из четырнадцати человек: они нетерпеливо поглядывали туда, откуда прилетит военный вертолет, курсирующий между городом и авианосцем «Новые рубежи». Корабль этот способен вместить три с половиной тысячи пассажиров, запасы провианта и лекарств и все остальное, причем хватит этого на четыре года, даже если не заходить ни в один порт. Сегодня ночью судно выйдет в море, где проведет неопределенное время. Не знаю, сколько стоят билеты, известно лишь, что женщинам полагается небольшая скидка, потому что людей каждого пола на борту должно быть одинаковое количество. Вслух об этом не говорят, но судно это – что-то вроде Ноева ковчега для элиты.

Передо мной стоит мой давнишний приятель Колин Лоув. Его жена Лайза и дочка Бет подошли чуть ближе к площадке и высматривают вертолет. Колин – один из самых богатых дельцов в стране, он владеет интернет-ресурсами и активами по всему миру, в том числе и небоскребом, на котором мы стоим. И тем не менее, если верить его собственным словам, семейству Колина хватило получаса, чтобы собрать вещи в поездку.

– Все, что вам нужно, там есть, – заверил я его.

Здесь, наверху, царит тревога, но в то же время и какое-то странное возбуждение. Вокруг вертолетной площадки и возле двери на крышу стоят вооруженные охранники, оплаченные из бюджета «Лоув инк.». Остальные охранники расположились внизу, возле входа, и около лифтов. Их задача – остановить тех, кто попытается штурмовать здание в надежде спастись от бандитов или даже вознамерится пробраться на вертолет и дальше, на «Новые рубежи». Винить никого нельзя – ни тех, кто попытается, ни тех, кто попробует их остановить. Каждый из нас дерется за себя и за своих близких, так уж мы устроены.

Когда я к вечеру пришел к этому зданию, над улицами висел запах страха и отчаяния. Я видел, как какой-то мужчина в костюме предложил охраннику портфель, битком набитый банкнотами, однако охранник отказался. Может, из-за свидетелей вокруг, а может, боялся, что завтра деньги эти обесценятся. Следом за мужчиной к охраннику подошла женщина средних лет, показавшаяся мне знакомой. Она расправила плечи и перечислила фильмы, в которых играла.

- Мы движемся к энтропии, – сказал Колин.
- Ты же в курсе, что я таких слов не знаю, – ответил я.
- Второй закон термодинамики.
- Это мне ни о чем не говорит.
- Вы, юристы, вообще ничего не знаете?
- Знаем, как разгребать то, что инженеры нагадят.

Колин рассмеялся. Этой фразой я описал наш пятнадца-

тилетний симбиоз в «Лоув инк.».

– Энтропия... – начал Колин, глядя на горизонт, похожий на разрезанный силуэт на фоне солнца, готового вот-вот исчезнуть в море, – энтропия – это когда все в закрытой системе со временем разрушается. Оставь на берегу замок из песка – и на следующий же день ветер и погода его разрушат. Не заменят на что-нибудь, еще более прекрасное, а сровняют с землей. Лишат жизни, дыхания. Превратят в ничто. Это и есть энтропия, Уилл. И это самый универсальный из законов природы.

– Закон о беззаконии, – добавил я.

– Говоришь как юрист.

– Как философ. Гоббс утверждал, будто без законов, без общественного договора всех нас поглотит хаос, который будет намного хуже самой ужасной диктатуры. И по-моему, он, возможно, прав.

– Левиафан явился, – поддакнул Колин.

– Что такое «Левиафан»? – спросила незаметно подошедшая к нам дочь Колина Бет.

Ей семнадцать, она на три года моложе своего брата Брэда, который куда-то подевался. Она невероятно похожа на Эми, мою собственную дочку, но это не единственная причина, по которой на глаза у меня наворачиваются слезы, когда я вижу Бет.

– Это из истории про морское чудовище, – проговорил я, не дождавшись ответа Колина. – Оно выдуманное.

– Тогда почему он явился?

– Это образно, солнышко, – Колин притянул дочь к себе, – один философ прибег к этому образу, описывая общество без закона и порядка.

– Как это?

К нам приблизился военный в полевой форме. Колин кашлянул.

– Иди, Бет, а то мама заскучает. Я скоро подойду.

Девушка послушно убежала.

– Да, лейтенант? – спросил Колин.

– Господин Лоув... – заговорил военный. У него были короткие седые волосы и рация, из которой доносились треск и взволнованный голос, словно силящийся докричаться до хозяина рации. – Мое начальство на первом этаже сообщает, что сдерживать людей все сложнее. Отдадите приказ стрелять, если?..

– Это бандиты? – перебил его Колин.

– В основном обычные люди, господин Лоув. Они надеются проникнуть на вертолет.

– Бедняги. Стреляйте только в случае крайней необходимости.

– Есть, сэр.

– Долго еще вертолета ждать?

– Пилот сообщил, что они будут здесь примерно через двадцать минут, сэр.

– Ясно. Держите нас в курсе, чтобы люди могли подняться

на борт, как только вертолет приземлится.

— Есть, господин Лоув.

Лейтенант зашагал прочь, и я услышал, как он говорит в рацию:

— Вас понял, сержант, но приказано не прибегать к силе неоправданно. Ясно? Да, держите позицию и...

Голос умолк, и остался лишь шорох флагов и сирена полицейской машины внизу, на темных улицах. И Колин, и я знали, что это не полиция: уже год они не осмеливаются патрулировать улицы после наступления темноты — значит, сейчас в полицейской машине сидят четверо парней с автоматами и в меру обдолбанные, чтобы рефлексy еще сохранились, но чувство дозволенного притупилось. Хотя оно не просто притупилось, а вообще исчезло, причем не только у этих отморожков, а и у всего остального населения тоже. Выражение «противозаконные действия» утратило всякий смысл, потому что закона больше не существует.

И это, возможно, единственное оправдание тому, что я сделал.

Я по-прежнему слышал рев мотоцикла, — похоже, у них в глушителе дырка, ну или как там это называется.

Я давлю на газ, лечу по пустой улице через город, на юг, к бойне. Из-за дыры в глушителе мотоцикл ревет, давно пора починить. И еще надо бензина залить. Стрелка на датчике уровня топлива ткнулась в красную полосу, сейчас, блин,

вообще никуда не доеду. Без поддержки в центре посреди ночи делать нечего, иначе сразу поймешь, каково это, когда жертва — это ты и есть. Ну да ладно, пока бензин не кончился, пока двигатель пашет, я в этой пищевой цепочке не в самом низу. Потому что я нашел то, что искал там, на оставшемся позади холме. Выход. Дыру в стене крепости. Возможно, все жители виллы через несколько часов умрут, а может, и нет. Судить их не мне, я всего лишь вестник. Рев мотоцикла эхом отскакивает от стен офисных зданий, высоких и пустых. Если с газом переборщить, бензин весь выйдет, но чем дольше я остаюсь в центре, тем выше шансы вляпаться в дерьмо. Чего сто́ит один этот сброд возле здания Лоува — я там всего-то скорость слегка сбросил, как кто-то меня тут же попытался скинуть с мотоцикла. Люди — настоящие звери, отчаявшиеся, злые и испуганные. Вот срань-то. Что вообще случилось с этим городом, с этой большой, прекрасной страной?

II

– До вертолета восемнадцать минут! – крикнул лейтенант.

– Одна тысяча восемьдесят секунд, – сказал Колин.

В уме он всегда считал быстрее, чем я.

С того момента, как обнаружили вирус, до пандемии, охватившей и разрушившей весь мир, времени прошло всего ничего.

Люди мёрли как мухи. Сперва из-за болезни, потом из-за нужды, и со временем политические и общественные институты потерпели крах. Разумеется, жестче всего пандемия обошлась с бедными – так случается со всеми скверными штуками. Но лишь с началом продовольственного кризиса ситуация изменилась: если сперва мы как общество пытались бороться, то теперь борьба превратилась в битву имущих и неимущих за ресурсы. Сначала в этой битве участвовали бедняки и богачи, затем – бедняки и бедняки, потом – соседи всех общественных прослоек, и, наконец, врагами стали все, кроме ближайших родственников и самых близких друзей. Продовольственные магазины опустели, а со временем пустыми стали и оружейные магазины, хотя производство пистолетов и винтовок не прекращалось. Органы правопорядка, и так оказавшиеся на грани кризиса, почили в бозе. Самые богатые прятались подальше от города, забаррикадировавшись в усадьбах и крепостях, желательно где-

нибудь на холме, откуда легче обороняться. Некоторые из богатейших, как, например, Колин Лоув, предвидевший катастрофу задолго до пандемии, приняли меры заранее и приобрели частную собственность и острова, способные прокормить себя и охраняемые собственной армией. Удивительно, но вирус помог им победить в борьбе с величайшей угрозой – бедными и отчаявшимися. Ведь зараза распространялась беспрепятственно там, где плотность населения больше всего, но ни страховок, ни желания соблюдать введенный властями карантин не имеется. Однако, когда пандемия со временем улеглась и стала менее страшной, чем грабежи, между молотом и наковальней оказались уже другие. Те, кому было что терять, но недостаточно, чтобы защититься. И, потеряв все, многие из них сами стали грабить. Так началась новая пандемия. Бедность, отчаяние, насилие – они тоже заразны.

Когда эта пандемия началась, я руководил юротделом в телекоммуникационной компании Колина. Вирус пришел с востока, с другого конца страны, но сразил нас, не дав нам – большинству, крепкому среднему классу – среагировать.

Пятью годами ранее, когда Колин показал мне Крысинный остров, крошечный тюремный островок площадью десять гектаров, расположенный неподалеку от аэропорта, я задразнил его, обозвав пророком апокалипсиса вроде тех чокнутых придурков, которые готовятся к худшему, к тому, что придется остаться совсем одному. В нашей стране таких особен-

но много, — видимо, это как-то связано с культурой свободы. Ты — кузнец своего собственного счастья, тебя никто не остановит, вот только и помогать тебе не станут.

— Это здравый смысл, — ответил тогда он на мой вопрос, не паранойя ли это, — я инженер и программист, среди нас нет истериков, считающих, будто того и гляди грянет конец света. Мы полагаемся на вероятность того, что случится нечто невероятное, совсем как в нашей работе. Одно известно наверняка: со временем случится все без исключения. Вероятность того, что общество развалится еще при моей жизни, невелика, но и не ничтожна. Если умножить эту вероятность на то, во сколько мне это обойдется в денежном эквиваленте и в соотношении с качеством жизни, мы получим сумму, которую я согласен заплатить за страховку. Эта покупка... — он обвел рукой убогий каменистый островок с пустыми бетонными зданиями, в свое время построенными для того, чтобы держать убийц взаперти, а не на улице, — невысокая плата за то, чтобы крепче спать по ночам.

В то время я и не знал, что у него немалые запасы оружия. И что он и все остальные его друзья-директора исправили близорукость при помощи лазерной коррекции зрения не по косметическим соображениям, а потому, что найти очки или линзы, когда привычный мир рухнет, будет сложно, и потому, что в каменном веке, к которому мы приблизимся, с хорошим зрением выжить проще.

— Нет причин, по которым готовиться не стоило бы, Уилл.

Если и не ради себя, то ради семьи.

Но я готов не был.

Грабежи начались вовсе не тогда, когда власти решили освободить тюрьмы, на самом деле представлявшие собой камеры смертников, где изолироваться было невозможно и свирепствовал вирус. Освобожденных преступников было недостаточно, чтобы в одиночку стать причиной хаоса. Причиной стало ощущение, которое они принесли с собой. Ощущение, будто власти того и гляди утратят силу, что закон упразднен, что вскоре придется хватать то, до чего дотянешься, пока другие не опередили тебя. Нельзя сказать, что мы не видели или не понимали происходящего. Иррациональным страхом это не назовешь. Мы знали, что главное – оставить позади эту пандемию, которая в некоторые страны уже вернулась, – и тогда мы вернемся к нашей обычной жизни. Однако мы также видели, что страх сильнее стадного чувства. Массовой истерии не было, зато чувство меры исчезло. Поэтому люди, каждый по отдельности, делали выбор, разумный и правильный лишь для себя и для своих близких, но плачевный для общества.

Некоторые стали грабителями и насильниками из-за нужды.

А некоторые – как сын Колина Брэд – потому, что им так захотелось.

Отношения у Брэда Лоува с отцом сложились непростые. Брэд был первенцем, которого Колин видел продолжателем

дела всей своей жизни. Однако, чтобы справиться с такой задачей, у Брэда просто-напросто не было данных. Он не обладал ни интеллектом своего отца, ни его трудоспособностью, ему не доставало отцовской прозорливости и желания изменить мир. Не имел он и оптимизма Колина вместе со способностью заражать своим энтузиазмом других. А вот что Брэд и впрямь унаследовал сполна, так это отцовский эгоизм – порой безмерный – и склонность закрывать глаза на интересы остальных при необходимости достичь желаемого. Например, отцовские деньги шли в карман тренеру и Брэд получал место в школьной футбольной команде, а кто-то более талантливый оставался ни с чем. Или Брэд уговаривал отца отстегнуть ему денег, потому что он, мол, с друзьями запустил программу помощи малообеспеченным студентам, но впоследствии выяснялось, что деньги ушли на наркотики, телочек и экстравагантные вечеринки на съемной вилле неподалеку от университета. И только когда ректор связался с Колином и сообщил, что Брэд угрожает ему физической расправой, потому что подделал экзаменационные документы, хотя даже не явился на экзамен, – только тогда Колин забрал сына из колледжа.

Вернувшийся тем летом домой Брэд выглядел полным неудачником, и я не удержался от жалости. Наши семьи отдыхали тогда вместе в огромном двухэтажном коттедже в горах. Мы много лет скидывались на аренду, но теперь Колин просто взял и купил этот дом. У отца с сыном не ла-

дилось, и от этого нам, всем остальным, общаться с Брэдом было еще сложнее. Ведь Брэд тоже мальчик не бесчувственный – скорее наоборот, чувства у него зашкаливают. Своего отца он любил, восхищался им. Так оно было всегда, и в этом никто не сомневался. Даже отцовская любовь к сыну была менее очевидной. И теперь отчаяние Брэда сменялось гневом, равнодушие – злостью, направленной на любого, кто отказывался выполнять его волю, будь то родственники, наша семья или обслуживающий персонал. И в тот момент в Брэде я разглядел другого Колина. Человека, выходящего на сцену, когда у Колина не получалось убедить кого-нибудь лишь при помощи своего предательского энтузиазма и ума, опасного Колина, способного с потрохами купить маленькое конкурентное предприятие, ликвидировать его и отправить всех бывших сотрудников прямиком на биржу труда. Пару раз я разрушил планы Колина, подведя под это юридическое обоснование, и он так разозлился, что – это я точно знаю – чуть было меня не уволил. Мне это известно, потому что я с детства помню, как темнел его взгляд, когда у Колина не получалось осуществить задуманное.

Пока у него не получалось осуществить задуманное.

И по-моему, до Брэда дошло, что если не держать себя в узде и прибегать к насилию, угрозам и грубой силе, то добьешься всего, чего хочешь. Именно так он заставил братьев Винстон из соседского коттеджа поджечь старый гараж Фергюсонов. Потому что – согласно показаниям, которые братья

дали позже в полиции, — не пойдёшь ты у него на поводу, и, как сказал Брэд, он дожждётся, когда они уснут, и подожжёт коттедж Винстонов.

Свои сильные чувства Брэд также продемонстрировал, безнадежно пытаясь ухаживать за моей дочерью Эми. Он был влюблен в нее с раннего детства, но если обычно детская влюбленность с возрастом благополучно затухает, то у Брэда она, похоже, лишь крепла с каждой их новой летней встречей. Разумеется, этому, скорее всего, способствовала расцветающая год от года красота Эми, однако, наверное, и тот факт, что взаимности Брэд не видел, а ее неоднократные отказы только раззадоривали его. Потому что Брэд, совершенно очевидно, считал, будто имеет на нее право.

Однажды ночью меня разбудил голос Брэда. Стоя в коридоре возле комнаты Эми, Брэд требовал, чтобы моя дочь выпустила его, но она, похоже, вновь его отвергла, и тогда он сказал:

— Это наш коттедж, здесь все мое, поэтому давай открывай, иначе вышвырнем вас отсюда, а папашу твоего уволят.

Колину я об этом так и не рассказал: от несчастной любви я и сам немало нелепостей натворил, и к тому же я подозревал, что Колин накажет сына излишне жестоко, показывая нам, насколько нетерпим к подобным выходкам. Поэтому последней каплей, переполнившей чашу терпения Колина, стали не угрозы в адрес Эми, а поджог гаража. После того как Брэда приговорили к условному сроку и выпустили

на свободу, а мистер Фергюсон положил в карман кругленькую сумму для покрытия понесенных убытков, Колин поместил сына под домашний арест. Через два дня Брэд сел на мотоцикл, который ему подарили на восемнадцатилетие, и скрылся из города. С собой он прихватил стопку банкнот из отцовского сейфа и ключи от квартиры в Даунтауне.

– По крайней мере, я знаю, где он, – вздохнул как-то за завтраком Колин.

Спустя три месяца Колин рассказал мне, что с ним связались полицейские: в одном из многочисленных даунтаунских пожаров квартира сгорела дотла, тел не найдено, однако и Брэда тоже отыскать не удалось. Колин объявил Брэда в розыск и надавил на полицейских, требуя продолжать поиски, но полицейские в те времена уже расследовали лишь наиболее серьезные дела – убийства, поджоги и уличное насилие. С Восточного побережья сообщалось, будто в некоторых городах полицейские забаррикадировались в участках, потому что вооруженные группировки только и мечтали туда добраться, ведь в участках хранилось немало оружия. Еще ходили слухи, что в отдельных штатах полицейские просто-напросто прекратили ходить на работу и вместо этого, чтобы выжить, сами организовали разбойничьи шайки.

Когда правительство наконец ввело во всей стране режим чрезвычайного положения и Колин с женой и Бет перебрались в бывшую тюрьму на Крысином острове, Колин рассказал, что он по своим каналам узнал кое-что о Брэде. Сын

Колина Лоува стал лидером преступной группировки, называвшей себя «Хаос».

– Зачем ему кого-то грабить? – сокрушался Колин. – Попросил бы у меня – и получил все, что душа пожелает.

– Может, его душа как раз этого и желает, – предположил я, – показать тебе, что он и сам справится, что не просто способен выжить в такую эпоху без твоей помощи, но и победит тебя, станет во главе. Сравняется с тобой.

– Хм, – Колин посмотрел на меня, – то есть, по-твоему, это не оттого, что ему все это нравится?

– Что именно нравится?

– Хаос. Грабить... Разрушать.

– Не знаю, – ответил я.

Я говорил правду.

Мир вокруг рушился, а мы с Хейди и Эми пытались вести обычную жизнь в Даунтауне.

Мы с Хейди познакомились, когда учились на юридическом, и все сразу завертелось. Нам понадобилось два вечера, чтобы понять, что мы созданы друг для друга, и два года – чтобы удостовериться, что мы не ошиблись. Так что раздумывали мы недолго. Мы поженились, и через три года на свет появилась Эми. Нам хотелось и еще детей, но прошло четырнадцать лет, прежде чем родился кроха Сэм – скоро ему четыре.

Когда на планете свирепствовал вирус и в городе объявили режим изоляции, компания, где работала Хейди, обанк-

ротилась, и Хейди поняла, что работу найти будет сложно: безработица подскочила с пяти до тридцати процентов, а экономический кризис достиг того состояния, которое знатоки называют критической массой, – иначе говоря, нисходящая спираль стала раскручивать сама себя. Потом, после пандемии, когда люди снова смогли общаться, не боясь заразы, Хейди открыла адвокатскую практику для малоимущих. Работала она, сидя дома на кухне, а платили ей, разумеется, лишь время от времени. К счастью, деньги для нашей семьи не представляли особой проблемы. Когда правление «Лоув инк.» прямо перед пандемией согласилось продать компанию крупнейшему в стране телекоммуникационному концерну, это означало, что ни мне, ни остальным акционерам остаток жизни вообще работать не потребуется. Я уволился и несколько недель прикидывал, как мне дальше распорядиться собственной жизнью. За это время успела разразиться пандемия, решившая все не только за меня, но и за всех остальных на этой планете.

Поэтому я совершил самый осмысленный поступок из всех на тот момент возможных: стал помогать Хейди оказывать помощь другим.

С того дня у нас в доме не только кухня, но и гостиная с библиотекой превратились в нечто вроде кризисного центра для отверженных душ с причудливыми судьбами. Но потом правовая система тоже затрещала по швам. Хотя правительство, парламент и суды в какой-то степени продолжали свое

существование, теперь все стало вопросом времени: надолго ли у полиции хватит сил защищать закон и порядок, судебной системе – обеспечивать охрану и проживание заключенных, даже армия – сколько еще она сможет нас защищать? Парламент предоставил военной элите расширенные полномочия для защиты права собственности или по крайней мере государственной собственности, и в другое время этот шаг мог бы подтолкнуть группу военных лидеров к захвату власти. Как ни крути, но хунта – если следовать общественной философии «Левиафана» – лучше анархии. Однако и этого не произошло. Вместо этого солдаты и офицеры стали наемными охранниками богачей, начав зарабатывать впятеро больше против того, что получали на профессиональной военной службе.

А мы – те, кто к богачам не относился, – принялись готовиться защищать то, что принадлежит нам. То, что, по нашему мнению, нам принадлежало.

Готовиться к худшему.

Однако пережить случившееся никакая подготовка не помогла бы.

И вот я стоял на вершине небоскреба и, прислушиваясь к гулу вертолета, чувствовал во рту вкус веревки. В носу свербело от запаха бензина, в ушах звенели крики тех, кого я любил, а тело сковывало предчувствие того, что я потеряю все, все до последнего.

– Шестнадцать минут! – крикнул лейтенант.

Мы с Колином подошли к краю крыши и посмотрели на темные улицы. Я по-прежнему слышал рев одинокого мотоцикла. Всего месяц назад город наводнили банды байкеров, однако бензин кончился, поэтому теперь грабить сподручнее на своих двоих.

– Значит, по-твоему, Юстиция не умерла – просто у нее небольшая дырка во лбу, да? – спросил Колин.

Я взглянул на него. За ходом мысли Колина трудно угнаться, но мы познакомились еще в начальной школе, и с тех пор я успел научиться угадывать ассоциативные связи у него в голове. Он слышит рев мотоцикла, вспоминает своего сына Брэда и банду «Хаос» – они носят мотоциклетные шлемы, на которых намалевана богиня правосудия Юстиция, та самая, что стоит с завязанными глазами, а в руках держит весы. Вот только у их богини во лбу здоровенная кровавая дырка от пули.

– Она ударилась головой и потеряла сознание, – сказал я, – но мне кажется, правовое государство пока еще способно подняться.

– А я всегда считал это наивным, знал, что рано или поздно все станет как сейчас и положиться можно будет лишь на самых близких. И кто из нас оказался прав, а, Уилл?

– Люди будут бороться с твоей энтропией, Колин. Люди ищут, где лучше, им нужно цивилизованное общество, им нужна власть закона.

– Если людям что и нужно, так это месть за пережитую несправедливость – для этого и существовало правовое государство. А когда правовое государство с этой работой не справляется, люди берут дело в свои руки. Вспомни историю, Уилл. Кровная месть, вендетта, когда сыновья и братья мстят за своих отцов и братьев. Оттуда мы вышли и туда возвращаемся. Потому что это затрагивает наши чувства, уж так мы, люди, устроены. Даже ты, Уилл.

– Я тебя слышал, но не соглашусь. Для меня разум и гуманизм выше желания отомстить.

– Да ни хрена подобного. Притворяешься ты хорошо, но я-то понимаю, какие чувства тебя раздирают. И тебе не хуже моего известно, что чувства всегда – всегда – побеждают разум.

Вместо ответа я посмотрел вниз, на улицу, по которой мчался мотоцикл. Рев стих, однако огонек по-прежнему мерцал в темноте, и я надеялся, что это тот же самый мотоцикл. Сейчас нам нужен свет, а еще нужна надежда. Потому что он прав. Колин всегда прав.

III

Я сбавляю газ. Здесь, в самом конце улицы, нет ни людей, ни машин, но, чтобы не привлекать внимания, у меня включены только подфарники, поэтому следить приходится в оба, иначе угодишь в колдобину. С ума сойти – бензин у всех давно кончился, а гранат – хоть задницей жуй, и с каждым днем кидают их все чаще.

Я притормаживаю. Нет, колдобин на дороге не было, но впереди мелькнул огонек карманного фонаря. На следующем перекрестке окопалась шайка отморозков. За ними беззвучно догорал автомобиль.

Вот дьявол, они на дороге еще и ленту-ежа растянули. Затормозив, я смотрю в зеркало. Так и есть, свет стоп-огней выхватывает из темноты фигуры позади меня. Они выходят из-за домов по обе стороны улицы и тянут за собой ленты-ежи, чтобы отрезать путь к отступлению. Мне понадобилось две секунды, чтобы сосчитать их: двенадцать, шестеро спереди и шестеро сзади; судя по всему, лишь четверо вооружены, двигаются как подростки, и у них нет никаких знаков, свидетельствующих о принадлежности к группировке. Плохая для меня новость заключается в том, что они, похоже, ограбили полицейский участок – иначе где бы они еще раздобыли ленты-ежи? – а значит, они довольно смелые. Или, вернее сказать, отчаянные. Хорошая новость:

выстроились они бессистемно, следовательно, у них никакого особого опыта нет, они либо тупые, либо полагают, будто возьмут количеством.

В пятидесяти метрах от них я останавливаюсь и снимаю мотоциклетный шлем. Поднимаю его повыше, чтобы каждому было видно.

— «Хаос»! — кричу я в надежде, что они разглядят рисунок на шлеме.

— Что за херня, это ж телка! — говорит кто-то из них.

— Вот и славно, — смеется другой.

— Уберите ежи и пропустите меня, а не то огребете! — кричу я.

Как я и ожидала — в ответ я слышу только смех и включаю дальний свет. Теперь я вижу их отчетливее, в глаза бросаются ярко выраженные национальные черты и одежда — дерьмовая, такую в уважающих себя группировках никто не наденет. Потом я вскинула закрепленный на боку мотоцикла «ремингтон» и прицелилась в самого крупного — он по-прежнему ослеплен, да и стоит прямо перед лентой-ежом. Я вспомнила прошлый раз, когда стреляла из этого ствола и как у меня получился идеальный равносторонний треугольник, в двух углах которого располагались глаза, а в третьем, посреди лба, — дырка от пули. Я нажала на спусковой крючок, и выстрел звонким эхом отскочил от стен домов. Отморозок повалился навзничь прямо на ленту-еж, и я дала по газам, метя прямо между его раскинутыми нога-

ми. Успела сунуть ствол обратно в кобуру и ухватиться за руль, когда переднее колесо наехало на труп и я промчалась вперед.

В спину мне никто не стрелял.

В наше время никто не тратит пули, когда дело уже проиграно.

Не знаю, нарочно ли я поехала мимо дома Адамсов, вообще-то, бензина у меня в обрез, чтобы такие крюки делать. Но возможно, мне нужно заглянуть туда, чтобы напомнить самой себе, зачем я делаю то, что собралась. Ладно, не важно, поехала и поехала.

Там было тихо и темно. Останавливаться я не стала, лишь сбросила скорость. Дыра в воротах никуда не делась. Дыра – дело моих рук.

Я сжала ножницы для резки металла, и под ними заскрипела сталь, из которой сделаны ворота.

Спину мне прожигали взгляды двенадцати моих спутников, в нос бил тестостероновый запах, в ушах отдавалось шарканье тяжелых ботинок, которые не в силах были спокойно устоять на асфальте.

– Быстрее! – взволнованно прошептал Брэд.

Я могла бы спросить, куда он так торопится, могла сказать, что полицейские тут не объявятся.

Я могла бы предложить ему самому этим заняться, сказать, что работаю ровно так, как мне удобно.

Или спросить, не лучше ли нам вообще отказаться от этой затеи, сказать как есть, что идея эта отстойная.

Я заместитель Брэда, поэтому в мои задачи входит выражать несогласие с его действиями и стараться переубедить его. Впоследствии я немало об этом размышляла. Могла ли я хоть что-то изменить. Нет, это вряд ли. То, что идея принадлежит Брэду, перевешивало ее отстойность. Во-первых, он, как обычно, не захотел бы терять лицо перед парнями и признавать, что я права. Впрочем, я могла бы поступить как обычно – представить мои аргументы как толкование его идеи, тогда он понял бы, что я права, – а потом, когда станет ясно, что я была права, он выглядел бы героем. Это довольно неплохо – тупой начальник бывает вполне нормальным, если только научится отличать хороших советчиков от плохих. А у Брэда эта способность имелась. Сам он соображал довольно средне, однако точно распознавал ум в других, словно научился этому и часто наблюдал со стороны. Ему даже твои рассуждения выслушивать не требовалось, как будто про твой ум у тебя на лбу было прописано. И именно это мое качество – а вовсе не карьера кикбоксера – побудило Брэда назначить меня своим заместителем в «Хаосе».

Ни возражать ему, ни переубеждать я не стала по одной причине: я понимала, что этот налет он задумал не ради жратвы, оружия, бензина и машины, которая, возможно, стоит в гараже, а возможно, и нет. Брэд знал этих людей.

И они владели чем-то, чего ему недоставало, поэтому он бы не повелся. Вот я и промолчала. Признаюсь честно: мое положение в «Хаосе» я терять не желаю, это единственное, что поддерживает во мне жизнь, так с хера ли мне рисковать ради богатых белых ублюдков, которых я даже не знаю.

– Все! – Я отогнула в сторону стальной прут и протиснулась внутрь, чувствуя, как прутья впиваются мне в кожу и в куртку.

Остальные последовали за мной. Брэд стоял и смотрел на темный дом, залитый лунным светом. Было два часа ночи. Если в наше время вообще кто-то спит, то именно сейчас.

Мы достали оружие. В некоторых группировках оружия бывает и побольше, особенно если среди них есть бывшие полицейские, военные или перебравшиеся через границу члены картелей. Но по сравнению с обычными бандами мы и сами как армия: у каждого по «калашу» плюс «Глок-17» и боевой нож. Снарядов для базуки у нас нет, зато у меня и у Брэда имелись по две ручные гранаты.

Глаза у Брэда влюбленно блестели. Брэд сделался почти красивым. Возможно, он и был красивым, когда спал. Но когда бодрствовал, выражение лица его бывало странноватым – он словно боялся, ждал, что его ударят, и ненавидел тебя за это заранее. И эта жесткая холодная ненависть и страх так стремительно сменялись теплотой, красотой и

чувствительностью, что невольно возникал вопрос: а какого этому чуваку самому-то живется? Да, ты, сам того не желая, начинал его жалеть. Тебе хотелось помочь ему. И именно в ту ночь, в свете луны, Брэд, с его грязными светлыми волосами, смахивал на какого-то там Курта, рокера, чьи песни мой приемный папаша ставил, в хлам напившись. Тогда он принимался вопить, что всем бы надо брать пример с Курта – написать пару крутых песен и застрелиться. Но мой папаша ничего написать был не в силах, поэтому ограничился второй частью своего же совета.

– Ивонн, готова? – Брэд посмотрел на меня.

По плану я должна была взять с собой Тупня и позвонить в дверь, а все остальные пробрались бы в дом с черного хода. Я не поняла, зачем нам будить все спящее семейство вместо того, чтобы действовать неожиданно, однако Брэд сказал, что, увидев колумбийскую девушку и умственно отсталого мальчишку, они расслабятся, такой уж это народ. Они любят помогать – это он сказал с отвлечением.

Я кивнула, и Брэд накинул капюшон.

Мы с Тупнем подошли к двери и позвонили. Мы прождали минуту, а потом над дверью загорелся глазок камеры.

– Слушаю? – раздался в динамике сонный мужской голос.

– Меня Грейс зовут, мы с Эми учились вместе, – плаксиво завела я. Имена мне сообщил Брэд, а актерский талант я унаследовала от колумбийской женичины и мужчины, о которых ничего не знаю. – А это мой братишка.

– Что вы тут делаете ночью и как вы сюда вошли?

– Мы бабушке еду относили, а на обратном пути смотрим – тут шайка грабителей, вот я и вспомнила, что в этом доме Эми живет. И мы перелезли через забор. Вот, посмотрите на Серджио. – Я показала на разодранную в лохмотья рубаишку Тупня.

По Тупню, кстати, ясно, что у него латиносов в родне не водится. Мужчина замолчал. Видать, задумался. Местные довольно часто носят друг дружке еду и другие вещи в темноте, когда проще спрятаться.

– Секундочку, – сказал наконец он.

Я прислушалась. Судя по шагам за дверью, это был взрослый мужчина.

Дверь приоткрылась. Сперва чуть-чуть, потом пошире.

– Проходите. Я Уилл, отец Эми.

У мужчины были голубые глаза и морщинки, какие бывают, когда человек часто улыбается, борода клинышком и рыжеватые кудрявые волосы, отчего выглядел он моложе своего возраста. Похоже, Брэд оказался прав. Такие любят помогать. Мужчина был босой, но успел надеть вытертые джинсы и футболку с какой-то эмблемой – видимо, университета, в котором когда-то учился. Я быстро проскользнула мимо, ему за спину, придерживав дверь для Тупня, вытащила пистолет и ткнула дулом в висок мужчине. Не чтобы покалечить его или вырубить – я достаточно высокая, так что для этого мне хватило бы хайкика пяткой в голову. Но

я хотела показать, что девчонка и мальчишка-недомерок готовы к насилию.

Мужчина вскрикнул и прижал руку к царапине на виске. Я наставила на него пистолет.

– Не трогайте мою семью, – сказал он, – все берите, но не...

– Если слушаетесь нас, то никто в этом доме не пострадает, – сказала я.

Я думала, что говорю правду.

IV

Кровь стекала с виска и капала мне на футболку, пока они вели меня в гараж и привязывали к стулу, а его, в свою очередь, к верстаку. Девушка, выдавшая себя за одноклассницу Эми – вообще-то, она и впрямь могла ею быть, – пощупала дизельную установку. Она на колесах, но весит сто пятьдесят килограммов, и девушка наверняка прикидывала, как ее забрать.

Я лихорадочно раздумывал, что сейчас делает Хейди. Когда в дверь позвонили, она тоже проснулась и, скорее всего, догадывалась о происходящем. Успела ли она отвести Эми и Сэма в подвал? Там располагалась наша тревожная комната, хотя на самом деле это просто небольшой закуток без окон, с толстыми стенами и прочной дверью, которая запирается изнутри. И еще там хранится недельный запас воды и еды. Если эта высокая девушка с темными волосами действительно такая разумная, какой кажется, значит они заберут только то, что им нужно, и уйдут. Парнишка же ни слова не проронил, но ловил каждое ее движение. Вид у него был безобидный, ему едва ли доставляет удовольствие мучить людей.

Лишь услышав крик Хейди, я понял, что их больше.

– Ты сказала... – начал я.

– Заткнись! – Она снова ударила меня пистолетом.

Парнишка посмотрел на нее, однако она ничего больше

не сказала и лишь молча глядела на меня. Как будто просила прощения.

И тут же в дверях появился еще один парень. На белом хоккейном шлеме у него на голове была нарисована богиня Юстиция.

– Он велел вам подняться, – сказал парень с плохо скрываемой радостью.

Кто – «он»? Похоже, вожак.

Парнишка и девушка скрылись, а новенький встал передо мной. В руках он сжимал русский автомат того типа, каким, кажется, уже все обзавелись. «Калашников». Некоторые страны рисуют его на флагах как символ борьбы за свободу. Лично меня от одного его вида в дрожь бросает. В его изогнутом магазине мне видится нечто извращенное.

– Я заплачу вам пять тысяч, если вы отпустите меня и мою семью, – сказал я.

– И куда мне твое бабло девать? – Мерзавец рассмеялся. – В киоск сбегать?

– Я отдам вам...

– Папаша, все, что мне надо, я и так возьму.

Он взял с полки мой старый мотоциклетный шлем. Снял хоккейный шлем и примерил мой. Несколько раз поднял и опустил забрало. И с довольным видом стащил со спины рюкзак и сунул в него шлем.

Из дома снова послышались крики, и у меня перехватило дыхание. Это я, недоумок, открыл дверь и впустил Левиафа-

на. Дышать мне больше не хотелось – хотелось умереть. Но умереть я не мог. Не сейчас – сейчас я им нужен. Надо выбраться отсюда. Я дернулся, чувствуя, как веревки, которыми девушка привязала меня, натянулись, как лопнула кожа и как потекла по ладоням кровь.

Хейди снова закричала, так громко, что одно слово я разобрал. Одно-единственное. «Нет». Отчаянный, бесполезный протест против неизбежного.

Отморозок посмотрел на меня и, ухватившись за дуло «калашникова», провел по нему рукой, словно онанируя. И ухмыльнулся.

Думаю, тогда все и началось. Именно тогда все то, что, как я считал, составляет мою сущность, затрещало по швам.

Остановившись на пороге, мы с Тупнем уставились на обеденный стол. Он был сколочен из коричневых досок, толстых и грубых, этаким фермерский стиль, но стопудово охренеть какой дорогой. Похожий стол Мария нашла в каком-то дизайнерском каталоге – она еще показывала его мне и говорила, что ей тоже такой хотелось бы. Но стол я, ясное дело, на мотоцикле не упру. А потом взгляд мой упал на женщину. Ее привязали к столу, сверху. Они где-то раздобыли веревки и примотали ее через шею, грудь и живот к столешнице. Ноги привязали к ножкам стола, а сорочку задрали на живот.

Перед женщиной я увидела спину в красной кожаной

куртке с вышитым узором: дракон с разинутой пастью, вынырывающий из моря. Куртка Рагнара. Он обернулся к нам.

— А вот и вы.

Под жиденькой, каштанового цвета челкой, которая сильно поредет еще до того, как Рагнару стукнет тридцатник, блестели глаза хищника, злые и опасные, даже когда он улыбался. Или — особенно когда он улыбался. Возможно, он не случайно называл этот город саванной, а к мотоциклу у него был прицеплен крюк, при помощи которого Рагнар, по его собственным словам, «отмечал слабое животное в стае».

— Что за хрень? — выпалила я.

— Хрень, ага, — он улыбнулся еще шире, — есть возражения?

Я поняла, что он видел, как я заставляю себя промолчать. Цена того, что ты в банде, — это игра по правилам банды. В частности. Однако то, что случилось дальше, в правилах не прописано.

— День настал, Тупень, — сказал Рагнар, — твоя очередь.

— А?

— Давай, это не страшно.

Тупень поднял голову и вопросительно посмотрел на меня.

— Ему не обязательно. — Я и сама слышала, что голос у меня звучит напряженно.

— Обязательно. — Рагнар вызывающе посмотрел на меня,

словно напоминая, что на должности заместителя он выглядел бы лучше меня.

Он ждал возражений, чтобы разыграть козырь, вот только я и так знала, что это за козырь.

– Приказ Брэда, – сказал наконец он.

– А сам Брэд где? – Я огляделась.

Все – и Тупень тоже – пялились на женщину на столе. И лишь в этот момент я заметила маленького мальчугана с вытаращенными глазами. Он сидел на кресле, развернутом к столу. Мальчику было года три-четыре, не больше, и он тоже смотрел на свою мать.

– Брэд наверху. – Рагнар перевел взгляд на Тупня. – Ну что, малыш, готов?

Один из братьев О’Лири подкрался к Тупню и стянул с него штаны. Все заржали. Тупень тоже, но он всегда смеется, когда другие смеются, чтобы никто не подумал, будто он ни хрена не понял.

– О-го-го, – проквакал Рагнар, – смотрите-ка, наш малыш готов.

Опять гогот. Громче всех смеялся Тупень.

– Скажи Ивонн, что ты готов, Тупень! – Рагнар посмотрел на меня.

– Я готов! – засмеялся Тупень, польщенный всеобщим вниманием. Остекленевшими глазами он пялился на женщину.

– Ни хрена, Тупень, – сказала я, – не смей...

– Неисполнение приказа, Ивонн? – весело проорал Рагнар. – Подбиваешь его не исполнять приказ?

– Я готов! – завопил Тупень.

Ему нравилось повторять фразы, смысл которых, как ему казалось, до него допер. Другие поставили его на стул, врубили музыку погромче и принялись двигать стул вперед.

Кровь у меня закипела. Боксерские матчи проигрываешь, когда перестаешь регулировать температуру собственной крови. Поэтому я проговорила – тихо, но чтобы Рагнару было слышно:

– За это, Рагнар, ты у меня огребеешь.

Ножки стула скребли по полу. Женщина лежала, повернув голову к мальчику. По щекам у нее текли слезы, и она что-то шептала. Не выдержав, я подошла ближе и услышала делано спокойный и все же дрожащий голос:

– Все хорошо, Сэм. Все будет хорошо. Закрой глазки. Подумай о чем-нибудь хорошем. О том, что будешь делать завтра.

Я шагнула вперед, подхватила Сэма под руки и подняла.

– Отпусти его! – закричала женщина. – Отпусти моего сына!

Я посмотрела ей прямо в глаза.

– Он этого не увидит, – сказала я.

Подняв мальчика на плечи и придерживая его – а он вопил и вырывался, как недорезанный поросенок, – я направилась к двери в кухню. Рагнар преградил мне путь. Наши взгляды

встретились. Не знаю уж, что он увидел у меня в глазах, но через пару секунд отвалил.

Нагнувшись, я перешагнула порог кухни, слыша, как мать мальчика кричит сзади: «Нет!» Я прошла через кухню и оказалась в коридоре, по которому дошла до ванной. Посадив мальчика в ванну, совмещенную с душевой кабиной, я задержала занавеску и сказала, что если он будет сидеть тихо и зажмет руками уши, то мама скоро придет и заберет его отсюда. Потом я вытащила ключ из замочной скважины, вышла и заперла дверь снаружи. Я поднялась по лестнице, прошла мимо пары открытых дверей и, обнаружив закрытую, осторожно ее приоткрыла.

В комнату просочился свет из коридора. Брэд сидел на кровати, на которой спала девушка-блондинка, моя ровесница. Спала она в наушниках. Я такие наушники знаю, они с шумоподавлением, поэтому в них не проснешься, даже когда рядом гранаты рвутся.

Или когда у тебя под боком мордуют твою семью.

Брэд, похоже, тут уже давно сидел. Впрочем, и девушка была красивая, такой романтической красотой, слегка старомодной. Не совсем в моем вкусе. Но явно во вкусе Брэда. Я его таким еще не видела – взгляд ласковый и томный, а на губах улыбка. Меня вдруг осенило: а ведь я вообще впервые вижу Брэда радостным.

Свет из коридора падал девушке в глаза, и она отвернулась, но так и не проснулась.

– Сваливаем, – прошептала я, – крики в гараже слышно.

Соседи наверняка полицию вызвали.

– У нас времени куча, – сказал Брэд, – а ее с собой возьмем.

– Чего-о?

– Она моя.

– Ты чего, совсем башкой поехал?

Может, оттого, что я сказала это слишком громко, но девушка внезапно открыла глаза. Брэд снял с нее наушники.

– Привет, Эми, – прошептал он мягким, незнакомым голосом.

– Брэд? – Удивленно распахнув глаза, девушка будто машинально отодвинулась назад, подальше от Брэда.

– Тсс, – сказал он, – я пришел тебя спасти. Там, внизу, банда – твои родители и Сэм с ними. Захвати какую-нибудь одежду, и пойдем со мной. Там, за окном, лестница.

Однако тут эта девушка, Эми, заметила меня.

– Ты чего творишь, Брэд?

– Я тебя спасаю, – повторил он шепотом, – а остальные в гостинной.

Эми заморгала. Переварила услышанное. Быстро переварила – эту науку мы все усвоили.

– Я Сэма не брошу, – громко заявила она, – не знаю, что происходит, но либо помощи мне, либо вали отсюда. – Она повернулась ко мне. – А ты кто такая?

– Делай, как он сказал. – Я показала ей пистолет.

Не знаю, правильно я поступила или нет, Брэд про похи-

щение ничего не говорил, но едва она попыталась встать, как Брэд ухватил ее за волосы, оттянул голову назад и прижал к ее носу и рту тряпку. Девушка дернулась, ее тело обмякло. Хлороформ – надо же, а я думала, он у нас кончился.

– Помоги дотащить, – бросил он мне и сунул тряпку в карман.

– Да чего ты с ней делать-то будешь?

– Женюсь и детей заведу.

А я-то, ясен пень, решила, что он стебется.

– Шевелись! – скомандовал он, подхватив девушку под руки, и выжидающе посмотрел на меня.

Я не сдвинулась с места. Не знала, смогу ли. Я посмотрела на плакат у нее над кроватью. Я слушаю эту же группу.

– Это приказ, – добавил Брэд, – так что решай.

Решай. Я, естественно, знала, что это значит. Решай, хочешь ли остаться вместе с единственной у тебя семьей. Под единственной у тебя защитой. Решай прямо сейчас.

Я пошевелилась. Наклонилась вперед. Ухватила девушку за ноги.

Вдалеке еще ревели мотоциклы, когда в гараж, пошатываясь, вошла Хейди, закутанная в мое пальто. Она взяла с верстака нож и разрезала веревки. Я обнял ее. Дрожа и трясаясь, она уткнулась мне в шею и выкрикивала что-то, словно ей не хватило времени выплакаться и рыдания душили ее.

– Он забрал ее! – всхлипывала она, а слезы согревали мою

футболку. – Он забрал Эми.

– Он?

– Это Брэд.

– Брэд?

– Лица его я не видела, но это Брэд Лоув.

– Ты уверена?

– На нем единственном был капюшон, и он единственный ничего не сказал. Но командовал он, и это он пошел к Эми. И когда девушка и парень вошли в гостиную, кто-то сказал им, что это Брэд приказал.

– Что именно Брэд приказал?

Хейди не ответила.

Я обнял Хейди, а знать мне и не надо было. Не сейчас. Смуглая девушка знала, что нашу дочь зовут Эми, что она – ее ровесница. Брэд – лидер банды, это верно. И что он прячет свое лицо от тех, кто может узнать его, тоже логично. Как и то, что у него не хватило мозгов остаться неузнанным, – это очень похоже на Брэда Лоува. Испорченный. Но влюбленный. А это, по крайней мере, давало нам надежду.

V

– Девять минут до вертолета! – крикнул лейтенант.

Флаги на флагштоках затрепетали, поднялся ветер.

Колин махнул рукой, какой-то мужчина скрылся в квартире в пентхаусе и вернулся с ведерком, из которого торчала бутылка шампанского.

– Попрощаемся, как велят правила хорошего тона, – улыбнулся Колин. – В эпоху декаданса говорили, что после нас хоть потоп, но в нашем случае, когда потоп уже начался, полагается откупоривать старые вина и пить их, главное – чтобы у тебя был рот и горло, в которое эти вина можно влить. Потому что скоро эту глотку перережут.

– Ну что ж, – я взял у мужчины с ведерком узкий бокал, – лично у меня, Колин, оптимизма больше.

– Ты всегда таким был, Уилл. После случившегося мне остается лишь удивляться, что ты не утратил веру в человека. Мне бы хоть каплю твоей наивности и твоей сердечности. Они хотя бы согревают. Но у меня вместо этого холодный, рациональный мозг. Это все равно что жить зимой в каменной крепости.

– Вроде твоей тюрьмы на Крысином острове.

– Да, – согласился Колин, – кстати, мне тут объяснили, откуда там так много крыс. В девятнадцатом веке, до того как на острове построили тюрьму, там была больница, куда

отправляли больных тифом, чтобы те не заражали жителей города. Они знали, что умрут и что на материке никто, даже родственник, не притронется к трупам тифозного больного. И крысы тоже об этом знали, с наступлением темноты они начинали подскуливать — ждали, когда откроется черный ход больницы и оттуда выбросят свеженький труп. Когда на острове кто-то умирал, тело сжигали еще до восхода солнца, и такой уклад всех устраивал.

— И ты в это веришь? Или ты и впрямь думаешь, что крысы туда сбегали от тифа, как ты сам?

Колин кивнул.

— Для крыс человеческий тиф не заразен, Уилл, а вот наш страх перекидывается и на них. А напуганные крысы агрессивны, поэтому мы начинаем их убивать. Нас не вирус сломит, Уилл, а боязнь друг друга.

Я подумал о страхе. Страхе, который испытал в ту ночь, когда «Хаос» явился к нам домой. Страх, о котором я тщетно старался рассказать в ту ночь, когда мы с Хейди заявили в полицию, и на следующий день, когда мы приехали в полицейский участок и встретились с двумя следователями.

Сидевшие за столами следователи, избегая наших с Хейди взглядов, уткнулись в блокноты. Я подумал, что причина этого — ужас пережитого нами: нашу дочь похитили, жена подверглась групповому изнасилованию, а сам я, в это время связанный, сидел в гараже. Лишь позже я понял, что такую

реакцию вызвало мое упоминание Брэда Лоува, сына телекоммуникационного магната Колина Лоува.

– Мы займемся вашим делом, – проговорила женщина-следователь, представившаяся как старший инспектор Гарделл, – но и вы дышать не забывайте.

– Не забывайте дышать? Как нам теперь вообще дышать-то? – Я и сам не заметил, как перешел на крик, но тут Хейди положила свою руку на мою.

– Простите, – извинился я, – но нашу дочь похитили, а мы сидим тут и... и...

– Мы все понимаем, – успокоила меня Гарделл, – я неправильно выразилась. Я хотела сказать, что, возможно, нам понадобится время, сейчас положение дел таково, что полиция не располагает ресурсами для расследования всех насильственных преступлений.

– Мы тоже понимаем, что у вас есть дела важнее, – сказала Хейди, – но похищение произошло только что, похитили молодую девушку, и мы, можно сказать, подарили вам имя преступника. Если говорить о важности, то...

– Мы сделаем все, что в наших силах, обещаем, – Гарделл и ее коллега переглянулись, – мы сейчас выезжаем на дело об убийстве, но мы с вами еще свяжемся.

Они встали. Я тоже.

– Вы не снимете отпечатки пальцев? – спросил я. – Не сделаете анализ ДНК, не опросите соседей...

– Как я уже сказала... – проговорила Гарделл.

Остаток дня я безуспешно пытался связаться с Колином.

Еще я съездил на квартиру, ключи от которой забрал когда-то его сын, однако лишний раз убедился, что Колин сказал правду. Квартира выгорела дотла.

Я колесил по улицам, почти надеясь, сам не зная почему, что на меня снова нападет какая-нибудь шайка. Но этого не случилось. Все словно вымерло. Как бывает во время перемирия.

Я вернулся домой, и мы с Хейди легли спать, положив между нами Сэма, наверное, чтобы чувствовать, что способны сберечь его, дать то, чего не смогли дать Эми.

На рассвете Сэм крепко спал, и я спросил Хейди, не хочет ли она рассказать мне о случившемся, о подробностях, которых не было в показаниях – хоть и четких, но кратких, данных ею полицейским.

– Нет, – только и ответила Хейди.

Я с удивлением посмотрел на нее. Как же у нее хватает сил оставаться такой спокойной? Психический шок иногда приобретает форму апатии, однако не в этом случае. Она как будто бы полностью сохраняла контроль над собственным телом и мозгом, принуждая себя к этому холодному спокойствию, подобно некоторым животным, которые умеют понижать температуру собственного тела.

– Я тебя люблю, – сказал я.

Она не ответила. И я понял. Хейди заморозила все чув-

ства, заключила в клетку собственное сердце, чтобы оно не взорвалось, не вытекло на стол, на пол. Потому что такая она никому из нас не принесла бы пользы. Ради любви она стала любить нас меньше – вот в чем дело.

– Я тебя люблю, – сказал он.

Она не ответила.

Я подглядывала за ними в замочную скважину. Брэд склонился к девушке, к Эми. Она сидела у него на кровати, опустив голову, одетая в смехотворно большие клетчатые брюки для гольфа и мужскую рубашку, которые Брэд, похоже, вытащил из шкафа и которые принадлежали тем, кто жил тут раньше. Уезжали они явно налегке.

Я опасливо огляделась, прислушиваясь к голосам на кухне. Мне страшно не хотелось, чтобы кто-нибудь застукал меня за тем, как я подглядываю за шефом.

Потом я опять прильнула к замочной скважине.

Какая же эта Эми была красивая – даже когда волосы закрывали пол-лица.

Может, поэтому я и подглядывала?

Из того дома мы уехали быстро. Держась за мотоциклом Брэда, я мчалась по долинам, прорезающим складки в холмах в северной части города. Когда-то – тогда тут было полно койотов – здесь обитали художники и хиппи, люди, не имеющие средств жить в центре. А сейчас все изменилось: бедные поселились в центре, а у богатых были большие дома

с видом на бухту и небоскребы. Впрочем, не исключено, что скоро все опять переменится. Множество домов здесь опустело, и мы все чаще замечали на обочинах дорог одичавших собак и койотов – они искали, чего бы сожрать. Новое пристанище «Хаоса» находилось совсем рядом с домом, где однажды давным-давно какая-то банда убила шесть человек, в том числе и жену богатого режиссера. Мы перебрались сюда после пожара в квартире у Брэда в Даунтауне. Эта вилла принадлежала кому-то из партнеров в фирме Брэдова отца, а когда началась пандемия, Брэд слышал, что этот чувак со всей своей семьей свалил в Новую Зеландию. Богачи, боящиеся конца света, вообще тогда завели себе моду покупать хаты в Новой Зеландии – вроде как она так далеко, что тяготы этого мира туда не доберутся. Но такого, чтоб все время везло, не бывает, и если верить новостям по телику – правда, их уже давно не крутили, – то в Новой Зеландии вирус порезвился хуже всего. Брэд сказал, не важно, мертв владелец этого дома или нет, сам дом пуст и словно приглашает нас к себе.

Всю дорогу Брэд ехал, поддерживая девушку, и даже на поворотах не лихачил. Я сроду не видела, чтобы он так осторожно ехал.

И вот теперь он сидит в здоровенной спальне и признается в любви.

Таким этого парня я еще не видела.

Из всех остальных у меня единственной имелась отдель-

ная спальня, другие делили оставшиеся пять. Вилла едва не превратилась в свинарник, но я – к дикому неудовольствию Рагнара – настояла, чтобы Брэд ввел общий график уборки.

– Ты меня слышишь, Эми? – Брэд наклонился, стараясь перехватить ее взгляд. – Я тебя люблю.

Эми подняла голову:

– Я тебя не люблю, Брэд. Ты мне даже не нравишься и никогда не нравился. Отвезешь меня домой? Прямо сейчас?

– Эми, я понимаю, ты боишься, но...

– Я не боюсь, – сердито перебила она, – это ты, Брэд, боишься.

Он рассмеялся, но неискренне:

– А мне-то чего бояться? Ты приемы кикбоксинга знаешь?

– Того, кого ты всегда боялся, крошка Брэд. Твоего великого папочку. Боишься, что он придет и накажет своего поганого сынишку.

Брэд побледнел:

– Его мне нечего бояться – его тут все равно нет.

– А вот и есть, еще как! Он всегда сидит у тебя на плече. Это ему ты говоришь, – она склонила набок голову и, передразнивая искренность Брэда, пролепетала: – я тебя люблю.

Добром закончиться это не могло. Но она все не унималась:

– Но, как ты слышишь, отец твой говорит, что он тебя

не люб...

Брэд ударил. Сперва ладонью, но достаточно сильно, поэтому ее голова на тоненькой изящной шейке откинулась назад. Она прижала руку к лицу. Из ноздри потекла кровь. Брэда я хорошо изучила, много раз видела, как он теряет самообладание, и раз уж это произошло, то дальше для Эми все будет только хуже.

– Не смей так говорить, – тихо сказал Брэд, – раздевайся.

– Чего-о? – с отвращением переспросила она. – Изнасиловать меня решил?

– Пойми одно, Эми. Я – единственный, кто способен спасти тебя от этого мира. А мир начинается на кухне в этом доме. Если я их не остановлю, они тебя в клочки порвут. Мы – волчья стая.

– Да лучшие уж они вдесятером, чем ты, Брэд.

Он снова ударил. На этот раз кулаком. Эми попыталась дать сдачи, но он перехватил ее руку. Брэд – это комок рефлексов. Сильный и готовый обучаться. Умей он управлять чувствами, из него вышел бы отличный боец.

Он схватил ее за рубашку и дернул, так что пуговицы разлетелись по паркету. Потом он вскочил и стянул с себя брюки. Эми воспользовалась моментом, сползла с кровати и бросилась было к двери, но Брэд просто-напросто поймал ее за руку и бросил на кровать.

– Надеюсь – ради тебя же, – что ты не девственница. – Брэд уселся ей на грудь, зажав ногами ее руки.

– Я-то нет, – с вызовом бросила она, хотя голос дрожал, – а вот ты – да. Изнасилования не считаются. Да у тебя и сейчас ничего не выйдет...

Голос ее стих, потому что Брэд сдавил ей горло. Другой рукой он сорвал с нее мешковатые брюки и трусы. Хватку он, похоже, ослабил, потому что она забормотала:

– Потому что я твой отец, и это меня ты сейчас боишься, вот смотри... – И он снова перекрыл ей кислород.

Брэд втиснулся между ее ногами. Я видела, как напрягается его голая задница, но, судя по яростной брани и рывкам, у него ничего не выходило. Либо она своими словами испортила ему стояк, либо он просто не справлялся. Или – меня осенило, что существует и третье возможное объяснение, – он и впрямь любил эту девушку.

– Твою мать! – Брэд соскочил с кровати, натянул штаны и, застегнув их, бросился к платяному шкафу и вытащил что-то оттуда.

Что это клюшка для гольфа, я разглядела не сразу. Ухватив ее обеими руками, он вскинул ее к плечу и двинулся на Эми.

Я схватилась за дверную ручку и повернула ее. Или нет? Возможно, я не успела, возможно, дверь была заперта изнутри, возможно, я передумала. Ведь что я могла поделать? Послышался глухой удар, какой бывает, когда отбивают кусок мяса, и бита угодила ей в плечо. А следом – треск, словно за завтраком, когда разбиваешь яйцо, – это

следующий удар, и клюшка разбила ей череп. Эми беззвучно осела на кровати.

Брэд развернулся и зашагал прямо на меня. Я отскочила на несколько метров, дверь распахнулась, однако мне удалось быстро повернуться, так что со стороны выглядело, будто я шла в сторону спальни, а не от нее.

— А вот и ты! — сказал он. — Пускай кто-нибудь поможет тебе отнести ее в подвал. И запирайте ее там. Где стиральная машина.

— Но...

— Сейчас же!

Он прошел мимо меня к лестнице.

VI

Прошло три дня, как Эми похитили. Оставив попытки дозвониться до Колина, связаться с ним по электронной почте и через посредников, я отправился в порт. Секс-клубы по-прежнему работали, будто бы ничего и не произошло. В одном из них я наконец отыскал подвыпившего рыбака, который согласился переправить меня на Крысиный остров, правда запросил за такую короткую поездку нелепо высокую плату. Стриптизерша на сцене наградила меня укоризненным взглядом, когда я увел одну треть ее зрителей.

Когда мы приблизились к острову, путь нам перерезала лодка, похожая на те, которые использовались береговой охраной. Если вдуматься, это и была береговая охрана. На палубе лодки стоял пулемет. Лодка замедлила ход и последовала за нами, я прокричал моряку в униформе, зачем явился, он сказал что-то по радиии и спустя пару минут разрешил подойти к острову. Когда мы причалили, Колин, улыбаясь, ждал нас на пристани.

– Какой приятный сюрприз! – Он обнял меня.

– Я пытался с тобой связаться.

– Правда? Связь здесь еще хуже, чем в городе. Пошли!

Следом за ним я зашагал к выстроенной посреди острова каменной машине.

– Как дела? – спросил он. – Как родные? Все хорошо?

Я сглотнул.

– Нет.

– Нет? – Он попытался изобразить удивление.

– Я скоро все расскажу, – пообещал я. – Так вот какой теперь у тебя дом?

– Ну да, пока такой. Лайзу тут все бесит, она считает, что вместо этого каменного убожества мне следовало бы купить большой красивый остров. Она не понимает, что сейчас предсказуемость важнее красоты.

Мы остановились перед зданием. Запрокинув голову, я посмотрел на гладкую бетонную стену:

– Ты чувствуешь здесь себя в безопасности?

– Здесь да, – Колин стукнул кулаком по бетону, – эти стены Французскую революцию остановили бы. А мои снайперы перехватят кого хочешь, причем и ночью тоже.

Высоко наверху я разглядел узкие, похожие на бойницы окна, откуда открывался вид на все четыре стороны. Вокруг нас блесло море, манящее и яркое, словно в обычный день. Вот только яхт не было. Лишь густые клубы дыма, сползающие на воду из горящего города. Впрочем, возможно, для самого моря этот день ничем не отличался от тех, когда по нему рассекали яхты и довольные серферы. От тех, когда такой биологический вид, как человек, расхаживал по земному шару.

– Пойдем перекусим. Я велел поварам приготовить...

– Нет, – отказался я, глядя, как коричневая крыса караб-

кается по валуну, – давай расскажу тебе, зачем я сюда приехал. Брэд напал на нас, прямо в нашем же доме.

– Что ты такое несешь?

– Он забрал Эми.

– Что-о? – Он делано изобразил изумление.

– А полиция не хочет – или не может – ничего с этим поделывать.

– Когда...

– Три дня назад.

– Отчего же ты раньше не сказал? Ну да, связи же не было... – И Колин, обладающий многими талантами, но обделенный актерским, покачал головой.

Я рассказал ему об ужасах той ночи настолько подробно, насколько Хейди разрешила. И теперь Колину можно было не притворяться, изображая ужас.

– Мы рассказали обо всем полицейским, но они перестали записывать, услышав, что подозреваемый – сын Колина Лоува... – я перевел дыхание, – вижу, тебе уже сообщили. Предположу, что они связались с тобой сразу после нашего ухода.

– Чтобы полицейские связывались со мной?

– Брось, Колин. Я тебя слишком хорошо знаю. И, будучи твоим юристом, знаю о твоих связях в полиции.

Колин окинул меня оценивающим взглядом. И как обычно, оценил правильно.

– Пойми, Уилл, ты мой друг, но Брэд – мой сын.

– Я это знаю и прощаю тебя, но он должен отпустить Эми. И ты должен позволить им арестовать Брэда...

– погоди, – перебил меня Колин, – тут еще кое-что. Полицейские говорят, единственное, что указывает на Брэда, – что тем вечером кто-то произнес его имя. Но сами вы его не узнали. Не узнали парня, который считай что вырос у вас на глазах? Не узнали жесты, взгляд, голос?

– Колин, ты к чему клонишь?

– К тому, что, когда твою дочь похищают, ты впадаешь в отчаяние. Бросаешься искать, пока за что-нибудь не зацепишься. А вы слышали одно из самых распространенных в этом городе имен, да еще и брошенное вскользь, и ухватились за него. Но я-то знаю Брэда. Видит бог – мальчик он не самый послушный, однако этого он не совершал, Уилл.

– Тогда найди его и поговори с ним!

– Никто не знает, где он. Он не выходит ни с кем на связь. Знаешь, я ведь так же тревожусь за Брэда, как ты за...

– Тогда пускай полицейские объявят его в розыск, – встрял я, не позволив ему закончить эту бессмысленную фразу.

– Так ведь доказательств-то нет. Даже подозрений нет. Это они говорят, а не я. Никому из нас не под силу заставить их тратить ресурсы на то, во что они сами не верят.

– Тебе под силу!

– Уилл, дружище, нет. Даже если бы я хотел.

– Да, но ты не хочешь. Ты боишься, что Брэд окажется

ВИНОВНЫМ.

– Он невиновен.

– Значит, боишься, что его сочтут виновным.

– Это, наверное, дело другое, да.

В отчаянии я ударил кулаком о стену:

– Суды по-прежнему действуют, Колин. И клянусь своей жизнью, Брэда ждет справедливое наказание. Да, и если он убил ее – тоже. Слышишь?

– А я клянусь своей жизнью, что мой сын – не убийца и не похититель, Уилл. Своей жизнью. Слышишь?

Я снова взглянул на море, бессловесный океан, свидетель того, как ежедневно каждую секунду решаются судьбы. Вечно улыбающийся и подмигивающий.

– Да, слышу, – ответил я, – ты клянешься собственной жизнью.

По валуну пробежала еще одна крыса. Ее длинный хвост блеснул под солнцем.

Затем я, ни словом, ни жестом не попрощавшись, спустился к пристани и сел в ожидающую меня лодку.

Той ночью я снова колесил по городу, выискивая Эми или хоть кого-нибудь, кто дал бы мне подсказку. На следующий день я вернулся в полицейский участок в Даунтауне – спросить, нет ли новостей, снова попросить их продолжать поиски и заверить в том, что за всем этим стоит Брэд Лоув. Я снова стучался в закрытые двери, кричал в оглохшие уши, и

мне наконец велели покинуть участок.

Выйдя на просторную парковку, я увидел, что возле моей машины кто-то стоит. Эта была старший инспектор Гарделл.

– Как продвигаются поиски? – поинтересовалась она.

Я покачал головой.

– Хотите подсказку? Только я вам ничего не говорила.

Я посмотрел на нее. И кивнул.

Она вытащила из папки листок и протянула мне.

Я впился в него глазами. Знакомые адрес и имя.

– Он был партнером у Лоува, – сказал я, – по-вашему, Эми там?

Гарделл пожала плечами:

– Нам поступают жалобы от соседей. Наркота, выстрелы и вечеринки до утра. Судя по всему, там поселился Брэд Лоув со своей бандой.

– Но вы ничего не предприняли?

– Сейчас жалобы на шум – не самые важные дела.

– А выстрелы и нарушение права частной собственности – разве это не серьезные преступления?

– Жалоб от владельца мы не получали. И насколько нам известно, у проживающих в доме имеется разрешение на ношение оружия.

Я кивнул:

– Съезжу проверю.

– Не уверена, что это хорошая идея.

– Отчего же?

– Там столько оружия, что просто так в гости лучше не заходить. По крайней мере, не в одиночку.

Я посмотрел на нее:

– Но ведь вы-то помогать не хотите.

Гарделл сняла темные очки и, прищулив глаз, посмотрела на солнце.

– За последний месяц вы не единственный, кто это сказал.

– Правда?

– Да. – Она протянула мне папку.

Я открыл ее и просмотрел документы. Заявления. Вооруженное ограбление. Оскорбление действием. Грубые действия насильственного характера. Изнасилование. Двадцать, может, тридцать.

– И общее у всех этих заявлений...

– Брэд Лоув и его банда, – сказала Гарделл, – это далеко не все дела подобного рода, однако, как мне кажется, они могут представлять для вас определенный интерес.

Я снова посмотрел на нее:

– Я, наверное, понимаю, чем вы рискуете, старший инспектор. Тогда почему вы так поступаете?

Она вздохнула. И снова надела очки.

– А на хрена мы все вообще что-то делаем в этом поганом мире?

Гарделл развернулась и ушла.

Тем же вечером я поговорил почти со всеми, чье имя на-

шел на заявлениях в папке.

Сперва я связался с жертвами изнасилования, предположив, что они сами, их отцы и братья имеют самую сильную мотивацию и убедить их будет проще всего. Но немного погодя я понял, что Гарделл дала мне уже отобранный материал: здесь были те, у кого не только имелись все основания мстить, но и чье физическое и психическое состояние позволяло это. По крайней мере, если мстить они будут не в одиночку.

– Предлагаете народную дружину сколотить? – спросил один из тех, с кем я разговаривал.

Я повторил про себя эти слова. Это понятие олицетворяло все, против чего я выступаю. По крайней мере, если в обществе имеется действующая правовая система. Но если посмотреть с другой стороны, то это не народная дружина, а сама правовая система в своем наиболее подходящем проявлении. Да, надо считать это не нарушением закона, а правом нарушать закон в форс-мажорных обстоятельствах.

Я попытался объяснить это моему собеседнику, но, возможно, из-за юридического жаргона доводы мои звучали громоздко.

– А по описанию на народную дружину смахивает, – сказал он, – я с вами.

К вечеру я рассказал Хейди, что сколотил команду из пятнадцати взрослых мужчин. И один из них взялся раздобыть оружие.

Я ждал, что она обрадуется или по крайней мере очнется от мрачной апатии, в которой тонула в последние дни, но вместо этого она уставилась на меня так, словно впервые видела.

– Забери у них Эми, – сказала она и закрыла дверь в нашу спальню.

В ту ночь я спал в гостиной, откуда слышно было вой какого-то зверя – он все выл и не умолкал, а еще где-то приглушенно рвались гранаты, может, в квартале от нашего дома, а может, в десяти, не определишь. Что это был за зверь, я не знаю, но, судя по звукам, крупный. Говорили, что накануне ночью загорелся зоопарк и служители открыли клетки. Желая спасти животных, выпустили их. Это, конечно, хорошо, подумал я, вот только если это животное съедобное... Додумать я не успел, потому что раздался выстрел и вой умолк.

– Все, что вы здесь видите, – это мои основные права, – проговорил лысый мужчина и обвел рукой коллекцию, напоминающую наколотых на иголки насекомых, только больше и нелепого вида.

Стена была увешана оружием. Пистолеты, винтовки, автоматы, пистолеты-пулеметы, даже огромный ручной пулемет, закрепленный на сошке так, что вся конструкция походила на богомола.

– И свобода защищать самого себя.

Лысый с довольной улыбкой посмотрел на меня. Имя свое

он скрыл, попросив нас звать его просто Толстяком. Из пятнадцати добровольцев, изъявивших желание присоединиться ко мне, трое отказались. Меня это не удивило. Когда воодушевление, вызванное возможностью отомстить, поутихло, заговорил голос разума: что это принесет мне, помимо непродолжительного удовлетворения? И чем я рискую? Когда преступников наказывает правовое государство, оно, обладающее властью, мало чем рискует. А мы? Что, если за нашей местью последует отмщение?

— Они знали, что у нас есть оружие, поэтому и заявили, — сказал Толстяк, — но эту секретную комнату не нашли, поэтому забрали только «калаши» и ручные гранаты. Угощайтесь, господа.

— А что они сделали с тобой и твоей семьей? — спросил Ларсен, афроамериканец, учитель музыки в отглаженной голубой рубашке, когда Толстяк показывал ему, как заряжать, снимать с предохранителя и менять магазин в ружье, которое Ларсен выбрал.

— Так я ж только что сказал, — удивился Толстяк.

— Они... э-хм... забрали несколько стволов?

— И мои гранаты.

— Гранаты. И этого достаточно для того, чтобы мстить?

— Да кто вообще говорит про месть? Я хочу пострелять плохих парней, и основания у меня для этого зашибись какие. А чего?

— Неплохо, — тихо проговорил Ларсен.

Толстяк покраснел.

– А сам-то ты? – фыркнул он. – У тебя они «вольво» угнали, что ли?

Я беззвучно выругался и прикрыл глаза. Мне нужно, чтобы эти люди сотрудничали друг с другом, а не это. Сам я тщательно ознакомился с их заявлениями и знал, что дальше последует.

– Они убили мою жену, – сказал Ларсен.

Во влажном подвале повисла тишина. Я открыл глаза и увидел, что все смотрят на мужчину в голубой рубашке. В заявлении Ларсен написал, что они с женой стояли на улице возле секретного продовольственного склада, держа в руках сумки с едой. Они приехали туда вместе с восемью другими взрослыми родственниками, люди привыкли передвигаться группами, полагая, будто так безопаснее. Вдруг прямо на них выехало несколько мотоциклистов, и Ларсен с родственниками вытащили немудреное оружие – ножи и старое охотничье ружье. Однако мотоциклы промчались мимо, даже не притормозив. Все решили, что опасность миновала, когда замыкающий колонну байкеров неожиданно выбросил цепь с крюком. Крюк впился в ногу жены Ларсена, и мотоциклист оттащил ее дальше по улице, пока она не выпустила из рук сумки с едой. Ларсен с родными бросились к женщине, а байкеры принялись собирать продукты.

– Ей пробило крупную артерию на ноге, – сказал Ларсен, – и она истекала кровью прямо посреди улицы, а эти твари хва-

тали ветчину и консервы.

Несколько минут слышно было лишь сбивающееся дыхание Ларсена. Он сглотнул.

– И на них были... – осторожно начал кто-то.

– Да, – голос Ларсена снова зазвучал уверенно, – шлемы с мертвой Юстицией.

Мужчины закивали.

Один из них кашлянул.

– Скажи-ка, а вот этот ручной пулемет... Он рабочий?

Через два дня мы были готовы.

Мы прошли обучение стрельбе в тире под руководством Пита Даунинга, бывшего морского офицера, воевавшего в Басре, в Ираке. Мы с ним и с Чангом, инженером-строителем, тщательно изучили план дома – этот план Чанг раздобыл благодаря связям в Департаменте строительства и жилищного хозяйства. Даунинг разработал план нападения и представил его остальным. Для этого мы арендовали подвал в тире. Даунинг подчеркнул, что в доме, возможно, есть и другие похищенные, и тем самым словно завуалировал изначальную цель операции – освобождение Эми. Странно, но, закончив, он тем не менее обратился ко мне:

– Ну что, Уилл Адамс, убедительно?

Я кивнул.

– Спасибо. – Даунинг свернул большие листы бумаги со схемами.

– Тогда встречаемся здесь в полночь. – Я встал. – И не забудьте одеться в темное.

Мужчины поднялись и прошли мимо меня к двери. Многие из них кивали мне. Я внезапно понял, что они считают меня лидером. Неужели оттого, что я все это затеял? Или не только? Потому что я сформулировал нашу задачу, не только практическую, но также моральную и общественную? Я сказал, что справедливость не получают, ее добиваются, – возможно, эти слова разожгли в них жажду борьбы, которую сами они пробудить были не в силах, но которой им не доставало сейчас, в нравственно подходящий момент? Возможно. Потому что они, возможно, заметили, что за каждое свое слово я отвечаю. Что каждый из нас обязан отрубить голову Левиафану, морскому чудовищу, пока оно не выросло таким огромным, что поглотит всех нас.

Впрочем, по-моему, никто не думал об этом в ту ночь, когда колонна из трех машин ползла по крутому серпантину к прилепившейся к склону холма вилле. Я сидел на заднем сиденье, между двумя другими мужчинами, и думал лишь о том, что мне предстоит делать, о том, в чем, согласно плану, заключались мои практические задачи. И о том, что умирать я не хочу. Кроме запаха пота, мои спутники источали еще один запах – думаю, он и от меня исходил. Запах страха.

VII

Меня разбудили выстрелы, крики и топот в коридоре.

Сперва я подумала, что они устроили вечеринку, слегонца слетели с катушек и что кто-нибудь пособачился, скорее всего с Рагнаром.

Кто-то дернул ручку двери в мою спальню. И понял, что дверь заперта. Как всегда. Нет, я не боюсь, что они завалятся меня насиловать. Во-первых, они знают, что я из них мозги вышибу, во-вторых, знают, что Брэд им бабку открутит, а в-третьих, ты словно теряешь привлекательность, когда парни понимают, что ты западаешь на то же, что и они сами, — на девишек. Но мне также известно, что когда ты, мягко говоря, в неумеренных количествах употребляешь расширяющие сознание препараты, то рано или поздно решишь попытать счастья. А это принесет им столько мороки, что лучше держать дверь запертой. Но на мой взгляд, заперти сижу не я, а они.

Я спустила ноги с кровати и вытащила из-под нее «калашников». Голоса в коридоре принадлежали не нашим, и я услышала грохот. Оглушающие гранаты. Сегодня ночью дежурит Оскар, какого вообще хрена, он что, заснул?

Дверь больше никто не дергал. Значит, мимо прошли? В ту же секунду я услышала глухой щелчок из-за двери и звук, похожий на удар плетью, когда пуля пролетела мимо меня

и впилась в стену.

Я подняла автомат, выдернула предохранитель и дала очередь. Даже в полутьме я видела, как пули раскрошили дверь и из нее во все стороны полетели белые щепки. Кто-то повалился на пол и завопил. Я натянула штаны, накинула куртку и бросилась к окну. Внизу на газоне лежал Оскар, раскинув в стороны руки и ноги, словно принимал лунные ванны. Рядом валялся «калашников». Я быстро прикинула: сколько их, я не знаю, но Оскара они взяли, не дав поднять тревогу, и у них есть оглушающие гранаты. То есть вряд ли любители. А мы? Сборище обдолбанных подростков, поднаторевших в нападении, но уж никак не в защите. И если я сама быстро что-нибудь не придумаю, то очень скоро все придумают за меня.

В кармане у меня лежал ключ от мотоцикла.

Вот отстой, мне ведь даже есть куда податься. Мария предложила мне переселиться к ней. Да и сама я об этом подумывала, разве нет? Ладно, когда-то члены «Хаоса» стали для меня спасителями, но ведь все мы тут, вся наша стая из двенадцати особей спасала друг дружку. И верность тут ни при чем, да и кодекс чести тоже – это все херня. Разве кто-нибудь хоть чем-то жертвовал ради меня?

Я открыла окно, вылезла наружу, ухватилась за подоконник и разжала руки. Розы в вазоне под окном давно уже загнулись, а вот сухие ветки от них остались, давным-давно они успели вырасти здоровенными и колючими – я прямо

как будто в колючую проволоку приземлилась.

Я перевел дыхание, выдернул из оглушающей гранаты чеку и кивнул Даунингу. Кивнув в ответ, тот повернул ручку двери, ведущей в комнату, которая, если верить плану, представляла собой хозяйскую спальню, и чуть приоткрыл дверь.

Я делал так, как показывал Даунинг, — наклонился и подтолкнул вперед гранату, стараясь поменьше шуметь. Даунинг снова закрыл дверь, и я досчитал до четырех.

Даже несмотря на дверь, грохот был жуткий, а в замочной скважине блеснул свет.

Даунинг вышиб ногой дверь, и мы встали с обеих сторон от проема, как учил Даунинг.

Сердце колотилось, и я стремительно водил по комнате лучом фонарика, выискивая Эми. Когда я направил его в окно, то увидел, как по газону кто-то бежит к мотоциклам. Я повернулся, и луч наконец выхватил из темноты какую-то фигуру, которую я сначала принял за скульптуру. Мертвенно-бледный парень сидел на кровати, уставившись прямо перед собой, словно парализованный. Даунинг предупреждал, что оглушающие гранаты именно так и воздействуют на людей.

Это был Брэд.

Даунинг рывкнул, приказывая Брэду поднять руки, но Брэда, похоже, совсем оглушило, по крайней мере, он лишь молча пялился на нас. Даунинг врезал ему прикладом по фи-

зионии, и в свете фонаря блеснула кровь вперемешку со слюной.

Я толкнул Брэда на кровать и навалился на него. Никакого сопротивления он не выказывал.

– Это я, – сказал я, – Уилл. Где Эми?

Он заморгал.

Вдавив дуло пистолета ему в лоб, я повторил вопрос.

– Мы знаем, что это вы, вашего дежурного мы уже убили.

Хочешь следом за ним отправиться, Брэд?

– Она... – начал он.

Он запнулся и умолк на две секунды, но этого хватило, чтобы я затрясся будто осиновый лист.

– Ее тут нет. Мы, как только выехали из Даунтауна, сразу ее отпустили. Она что, так и не вернулась?

Может, оттого, что мимику он получил в наследство от отца, я сразу понял: он лжет.

Я ударил пистолетом. И еще раз. Кажется. Потому что, когда Даунинг остановил меня и я пришел в чувство, лицо Брэда смахивало на нелепую кровавую маску.

– Она мертва, – сказал я.

– Этого ты не знаешь.

Я прикрыл глаза.

– Он не врал бы, будь она жива.

Забежав под навес, я села на мотоцикл. Отсюда я видела газон и луч фонарика, плясавший в комнате Брэда.

Они добрались до него.

Я уже собиралась было завести двигатель и через четыре секунды свалить оттуда подальше, но замерла. В голове все крутилась одна мысль. Мысль о том, что я бросаю Тупня, отдаю его на растерзание. Я посмотрела на окна комнаты, где жили Тупень и Герберт, единственный черный в банде. В окне горел свет. Возможно, туда они еще не дошли. Я соскочила с мотоцикла и метнулась обратно, к их окну. Встав на цыпочки, заглянула внутрь. Тупень, в трусах и футболке, сидел на кровати и смотрел на дверь. Герберта нигде не было. Я постучала в окно. Тупень вздрогнул, но, когда я прижала лицо к стеклу и он узнал меня, обрадовался.

Он подошел к окну и открыл его.

— Герберт пошел посмотреть, чего за дела, — сказал он, — а ты не знаешь...

— Обувайся! — прошептала я. — Сваливаем!

— Но...

— Живо!

Тупень исчез из вида.

Потом я увидела, как он воюет со шнурками. Сама я считала секунды. Надо бы раздобыть ему обувку на липучках.

— Ни с места, — слышалось сзади.

Я обернулась. Какой-то лысый мужик целился в меня из ствола с оптическим прицелом. Я шагнула к нему.

— Ты чего, не слышала... — начал он, но выпустил ствол и потерял всякую охоту дышать и говорить, когда я боковым

ударом засветила ему между ног.

Мужик осел на землю, а я снова повернулась к окну. Тупень стоял на подоконнике.

– Прыгай! – сказала я.

Поймать-то я его поймала, но он так потяжелел, что мы оба повалились на газон. Но потом мы вскочили на ноги, и он двинул следом за мной к мотоциклам.

Услышав, как Толстяк с кем-то переговаривается, я открыл окно и выглянул наружу.

По газону бежали длинноногая девушка и кривоногий парень-коротышка. Это были те двое, я не сомневался: сидя в ту ночь в гараже, я запомнил каждую деталь – лица, фигуры, походку, голоса. На них были мотоциклетные шлемы, девушка запрыгнула на мотоцикл, а паренек уселся позади. Она принялась рыться в кармане, похоже искала ключ, и на белой, выглядывающей из-под куртки футболке заплесала красная точка.

Лазер.

Я распахнул окно. Внизу стоял Толстяк, прижав к щеке винтовку с лазерным прицелом.

– Не стреляй! – заорал я. – Мы не убийцы.

– Заткнись, – простонал он, не глядя на меня.

– Это приказ!

– Прости, но это плохие парни.

– Если выстрелишь, я тоже выстрелю, – сказал я.

Тихо. Наверное, поэтому он опустил винтовку и поднял голову. И увидел нацеленный на него пистолет. Он не сводил с него глаз, пока мы вслушивались в рев мотоцикла, который немного погодя стих, когда мотоцикл, вылетев через ворота на дорогу, умчался прочь.

Я опустил пистолет. Не знаю почему, но крошечная частичка меня хотела, чтобы он пристрелил их. А я потом пристрелил бы его.

– Вертолет будет через четыре минуты! – объявил лейтенант. – Те, кто собирается улетать, – приготовьтесь!

Я слушал его вполуха, потому что сейчас, стоя на крыше небоскреба и готовясь к прощанию, думал о другом. О том, что в ту ночь мне хотелось выстрелить. О том, как я хотел, чтобы обстоятельства дали мне шанс стать таким, каким я, как мне казалось, не был. О том, что я уже не знаю, кто я. Я смотрел на счастливых, прислушивающихся к тарахтению вертолета, высматривал у них в глазах муки совести. Если они и были, то я их не видел.

Мы собрались в гостиной, пока Даунинг с Ларсеном осматривали оставшиеся помещения.

У нас был один тяжело раненный, с их же стороны один – дежурный – был убит и еще четверо ранены.

– Ему надо в больницу, – сказал Чанг о нашем раненом. Его подстрелили через дверь.

– Херня, мы же договорились, что не будем никого вмешивать, – возразил Толстяк.

Судя по всему, его мучила боль в промежности.

– Но... – начал Чанг.

– Забей, полицейские на хвосте нам не нужны, – отмахнулся Толстяк.

– Отвези его в больницу, – велел я.

Толстяк повернулся ко мне. Физиономия у него покраснела от гнева.

– И это говорит тот, кто отпустил одну из этих отморожков.

– Смысла убивать ее не было. Она все равно сбежала бы.

– Мы здесь, чтобы наказать, Адамс. А ты просто ищешь свою дочь и для этого пользуешься нашей помощью. Оно бы и ладно, но не хрен тогда изображать за наш счет доброго самаритянина. Расскажи-ка Симону, что эта девка не заслужила пули.

Я посмотрел на Симона. Повар, полноватый, с мягким голосом, добрыми глазами и заразительным смехом. Да, мы и смеялись тоже. К Симону и его родным тоже наведались бандиты с мертвой Юстицией на шлемах. Они стреляли гранатами из базуки, и за несколько секунд дом охватил пожар. Жена и сын с ожогами по-прежнему лежали в больнице, и никто не знал, выживут ли они.

– Что скажешь, Симон? – спросил я. – Лучше было бы, если б Толстяк ее убил?

Симон долго смотрел на меня.

– Не знаю, – наконец ответил он.

– Поможешь Чангу отвезти Рубена в больницу?

Симон кивнул.

В гостиную вошли Даунинг с Ларсеном.

– Нашли кого-нибудь? – спросил Толстяк.

Они не ответили. А на меня старались не смотреть. Остатки надежды во мне умерли.

Эми лежала в подвале, на грязном матрасе. Они заперли ее в прачечной, которая, похоже, не использовалась. Не для того, чтобы Эми не убежала, а чтобы спрятать тело. Я устал был на нее. Сердце мое остановилось. Мозг лишь регистрировал происходящее. Если она не умерла от чего-то еще раньше, то причина смерти очевидна: лоб был раскроен.

Я вышел в коридор, где ждали Ларсен и Даунинг.

– Давайте допросим их. – Я кивнул вверх, где в гостиной сидели связанные бандиты.

– Ты не хочешь сначала... – начал Ларсен.

– Нет, – покачал я головой, – давайте приступим.

Ответ на вопрос, кто виноват, мы получили быстро – воспользовались старым, но эффективным методом, за который я в бытность мою адвокатом критиковал полицейских.

Мы развели бандитов по комнатам и оставили их на какое-то время там, после чего стали парами заходить к ним, делая вид, будто уже поговорили с остальными. Говорил я, и

первые мои слова были одинаковыми:

– Не скажу, кто именно, но один из ваших только что сообщил, что мою дочь Эми убил ты. Кто тебя заложил, сам догадаешься. Я же с удовольствием пристрелю тебя через пять минут, если ты не убедишь меня в том, что на самом деле убийца не ты.

Такой неприкрытый блеф кто-нибудь из них наверняка разоблачил бы. Однако полной уверенности ни у кого из них не было. По крайней мере, уверенности в том, что остальные десять тоже раскусят вранье. Поэтому вот и задачка: почему я должен молчать и надеяться, что это блеф, если кто-нибудь другой наверняка расколется?

После четырех допросов двое сказали, что это Брэд. После шести мы точно знали, что он сделал это в спальне клюшкой для гольфа. Я пошел к Брэду, сидевшему в одном из двух кабинетов, и выложил все, что мы узнали.

Он откинулся на спинку кресла, прямо на связанные за спиной руки, и зевнул.

– Ну валяй, пристрели меня тогда.

Я сглотнул, выжидая. Я ждал. И дождался слез. Не моих, а его. Они капали на письменный стол из серого состаренного тикового дерева и впитывались в древесину.

– Я не хотел, мистер Адамс, – всхлипывал он, – я любил Эми. Всегда любил. Но она... – он судорожно вздохнул, – она меня презирала. Считала, что я для нее недостаточно хорош, – он хохотнул, – я, наследник самого богатого человека

в городе. Каково, а?

Я не ответил. Он поднял взгляд и посмотрел на меня:

– Она сказала, что ненавидит меня, мистер Адамс. И знаете что – тут я с ней солидарен. Я тоже себя ненавижу.

– Можно считать это признанием, Брэд?

Он посмотрел на меня. Кивнул. Я взглянул на Ларсена, и тот тоже коротко кивнул, подтверждая, что мы с ним слышали одно и то же. Мы поднялись и вернулись к ожидающему нас Даунингу.

– Сознался, – сказал я.

– И что будешь делать? – спросил Ларсен, тоже выходя в коридор.

Я перевел дыхание.

– Посажу его в тюрьму.

– В тюрьму? – усмехнулся Даунинг. – Да его вздернуть надо!

– Ты хорошо подумал, Уилл? – спросил Ларсен. – Ты же понимаешь, что, если сдашь его полицейским, его на следующий день выпустят.

– Нет, он отправится в свою собственную тюрьму.

– В смысле?

– В тюрьму, где он запер Эми. Предварительное заключение, пока я не подготовлю дело и не передам в суд.

– Ты хочешь... чтобы сын Колина Лоува предстал перед судьей и присяжными?

– Разумеется. Перед законом все равны. На этом основана

наша нация.

– А вот тут, Адамс, боюсь, ты ошибаешься, – сказал Даддинг.

– Правда?

– Наша нация основана на праве сильнейшего. Тогда дела обстояли так же, как сейчас. А все остальное – представление для галерки.

– Ну что ж, – проговорил я, – может, получится быть сильнейшим и справедливым одновременно.

Меня прервал крик. Кричали за домом.

Мы бросились туда, но опоздали.

– Черномазый признался, – сказал Толстяк.

В руках у него был факел, и в его отсветах лицо блестело от пота. Толстяк, как и мы, глядел на большой дуб. Вокруг замерли все остальные. Все мы молчали.

На нижней толстой ветке болтался парень, подвешенный за веревку на шее. Высокий, тощий, лет шестнадцати, в футболке с надписью «Хаос», похоже самодельной.

– Герберт! – хрипло крикнули из окна.

Я обернулся, но никого не увидел.

– Мы уже получили признание, – сказал я, – ты повесил не того.

– Не о том признании речь, – усмехнулся Толстяк, – этот признался, что он подпалил дом. А повесил его не я, а вот он. – Толстяк показал на человека, стоявшего прямо под повешенным.

Это был Симон, наш душевный повар. Скрестив на груди руки, он смотрел на труп и что-то бормотал. Возможно, молился. За своих обожженных родных. За убитого. За самого себя. За всех нас.

С остальными мы никогда не обсуждали, как поступим с членами «Хаоса». Основной задачей было освободить Эми, и мы не сомневались, что члены банды, оказавшие сопротивление, пощады не дождутся – их убьют или искалечат, и большинство из нас считали такую месть вполне достаточной. Но что с ними делать, если они сдадутся – как сейчас, – мы так и не решили.

Вариантов, собственно говоря, имелось три. Казнить их. Изувечить их. Или отпустить.

Толстяк единственный выступил за казнь.

Некоторые предлагали отрезать что-нибудь пленникам, например правую руку, однако добровольцев выполнить такое не нашлось. Подозреваю, их расхолаживала мысль о том, что где-то рядом разгуливают девять изуродованных, но совершенно дееспособных и жаждущих отмщения мужчин.

Лучше всего приняли предложение Даунинга о том, чтобы высечь мерзавцев веревкой, – такое наказание наверняка сочтут щадящим и мстить за него не станут.

Сам я вообще не желал никак их наказывать, потому что мы не могли представить «обвиняемых» к суду. Ведь именно это и отличает нас от них, а отказываясь от мести, мы

не только последуем принципам, на которых наши предки основали эту страну. Мы подадим хороший пример, покажем этим юнцам, что даже в эпоху хаоса можно поступать цивилизованно, что существует и обратный путь. Я пообещал, что лично позабочусь о том, чтобы с Брэдом Лоувом обошлись согласно основополагающим принципам правового государства.

Не уверен, что переубедили их мои слова. Или что Ларсен – единственный, помимо меня, кто потерял близкого родственника, – кратко высказался в мою поддержку. Или это ветер, который принялся раскачивать тело молодого темнокожего парня, так что ветви тихо стонали, заставляя нас отворачиваться.

Больше не раздумывая, мы освободили всех, кроме Брэда. – Мы об этом еще пожалеем, – сказал Толстяк, пока мы смотрели, как гаснут в городской тьме вдали задние огни удалявшихся мотоциклов.

VIII

Эми похоронили, предварительно проведя отпевание в церкви в Даунтауне. Убранство внутри было скромное, но все, как ни удивительно, уцелело, словно даже грабители признавали святость дома Господня. Некролог мы нигде не печатали и никого не приглашали, поэтому единственными гостями, помимо Хейди, Сэма и меня, были Даунинг, Ларсен и Чанг.

Остаток дня я потратил на то, чтобы уговорить Хейди перебраться на выстроенную на холме виллу Колина вместе с семьями Чанга, Ларсена и Даунинга. Я напоминал, как легко бандиты из «Хаоса» добрались до нас, и говорил, что это не просто может повториться – оно непременно повторится, и тогда лучше, если нас будет много. Хейди отвечала, что так нельзя, это чужой дом и чужая собственность, пускай даже сейчас там никто не живет. Я возражал, что право собственности я уважаю и тем не менее прямо сейчас это право разумнее ненадолго упразднить. К тому же нам нужно место, где мы сможем держать Брэда в предварительном заключении до начала судебного процесса.

На следующий день мы перевезли все необходимые вещи в виллу на холме и начали превращать ее в нашу крепость.

Государственная прокуратура располагалась в большом

белом здании в Даунтауне, выстроенном с архитектурным пафосом, вызывающим уважение, и в то же время с унылой рациональностью, чтобы не провоцировать возмущение, ведь построили его на деньги налогоплательщиков.

Кабинет государственного обвинителя Адель Матесон представлял собой обычное рабочее место и не напоминал посетителям и коллегам об авторитете и статусе его владелицы. Простой письменный стол со стопками документов, слегка старомодный компьютер с торчащими проводами, шкафы с юридической литературой, окно, откуда открывается приятный, но не отвлекающий вид. И ни единой семейной фотографии, напоминающей о том, что в жизни есть вещи поважнее работы и что пора бы уже отправиться домой.

Из-за стопок документов, из кожаного кресла с высокой спинкой на меня поверх очков смотрела государственный обвинитель Матесон. Среди ее коллег попадались и более знаменитые, но тем выше ее ценили в кругу специалистов. Если она чем-то и славилась, то своей цельностью, выносливостью в охоте за властью имущими и отказом от публичности. Один журналист как-то написал, что во время интервью и пресс-конференций государственный обвинитель Матесон обходится четырьмя ответами: «да», «нет», чуть подлиннее – «это нам неизвестно» – и самым длинным «этого мы прокомментировать не можем».

– Вы юрист, мистер Адамс, – проговорила она, выслушав меня, – если у вас есть доказательства, что этот человек убил

вашу дочь, почему вы пришли сюда, а не в полицию?

– Потому что полиции я больше не доверяю.

– Да, времена сейчас удивительные, это верно, однако органам государственного обвинения вы доверяете?

– Обращаясь напрямую к государственному обвинителю, я, по крайней мере, сокращаю путь к судебному разбирательству.

– Вы боитесь коррупции, верно?

– Отец этого парня – Колин Лоув.

– Тот самый Колин Лоув?

– Да.

Она дотронулась пальцем до верхней губы и что-то записала на листке бумаги.

– Вам известно, где сейчас этот молодой человек?

– Да.

– И где же?

– Если бы я ответил, что его поместили в предварительное заключение в частную тюрьму, вы возбудили бы против меня дело, и тогда дело против этого парня пострадало бы. Как считаете?

– Лишение свободы, разумеется, серьезное преступление, и если признательные показания получены в таких условиях, суд вообще может их отклонить.

– Плод отравленного дерева.

– Да, вы, конечно же, знакомы с этими принципами. Но если все так, как вы рассказываете, если существуют свиде-

тели, готовые подтвердить, что он действительно признался и что признание получено не при помощи насильственных методов, то наше дело будет выглядеть внушительнее.

Я заметил, что вместо «ваше дело» она сказала «наше». Может, это из-за того, что я упомянул имя Колина Лоува?

– Необходимо, чтобы ваши слова подтвердил кто-нибудь из членов банды, обвинивший Брэда в убийстве, – сказала она.

– Это непросто, но из нас несколько человек слышали, как они обвиняют Брэда.

– Такие показания переданы через посредника, и вам как юристу прекрасно известно, что в уголовном деле этого недостаточно. Для того чтобы выдвинуть обвинение, мне нужна уверенность, что присяжные сочтут обвиняемого виновным, – иначе говоря, никаких сомнений быть не должно.

Я кивнул:

– Я найду того, кто подтвердит, что это Брэд.

– Хорошо, – Адель Матесон хлопнула в ладоши, – тогда я запускаю процесс и мы с вами держим друг друга в курсе. Это дело – хороший повод показать всем, что правовое государство еще не полностью рухнуло.

– Я тоже на это надеюсь. – Я посмотрел на единственную картину в кабинете.

Маленькая, она висела чуть кривовато, однако рамка и стекло были целыми. Юстиция. Слепая и справедливая. И никакой дырки во лбу.

Покинув государственного обвинителя, я пошел напрямую в полицейский участок в Даунтауне, где отыскивал старшего инспектора Гарделл. Она проводила меня до парковки возле торгового центра, и там я рассказал, что смогу отдать Брэда Лоува под суд, если заручусь показаниями кого-то из тех, кто назвал его виновным.

– Вы поймали этого подонка, но хотите отдать его под суд и выпустить на свободу? – спросила она таким же тоном, каким, наверное, атеист интересуется у христианина, правда ли тот верит, что по воде можно ходить.

– Мне надо найти кого-нибудь из их шайки, поможете мне?

Она покачала головой. Я решил было, что это отказ, однако она проговорила:

– Я буду прислушиваться и присматриваться, но и вы... – продолжение этой фразы я знал, – дышать не забывайте.

Я поблагодарил ее и ушел с таким чувством, будто она смотрит мне вслед и по-прежнему качает головой.

Превратить виллу в неприступную крепость взялся Чанг, инженер-строитель.

Стену вокруг дома сделали повыше, двое ворот укрепили, а все предметы между стеной и домом, за которыми можно укрыться, устранили. Окна забили пуленепробиваемыми ставнями с проделанными в них бойницами, стены, двери и

крышу усилили, и теперь им даже гранаты были нипочем. По всему участку заложили мины и поставили ружья-растяжки с датчиками движения. Помимо этого, повсюду установили камеры, которые транслировали происходящее на экраны в командном пункте. Командный пункт мы оборудовали в подвале – оттуда мы могли удаленно управлять пулеметами и гранатометами на втором этаже. У нас имелись два дрона с камерами, и они тоже управлялись дистанционно, из командного пункта, или, как называл это помещение Даунинг, штаба.

Короче говоря, если кто-то решится захватить эту виллу, без бомб и артиллерии им не обойтись. На тот случай, если в дом все же прорвутся, у Даунинга была пара приборов ночного видения. Он рассказал, что в Ираке, в Басре, темнота сослужила им отличную службу, когда они с однополчанами перерезали электрический провод перед тем, как начать ночную охоту на террористов. Когда наши родные легли спать и дом погрузился во тьму, мы с Чангом и Ларсеном немного поучились пользоваться приборами ночного видения, но, честно сказать, у меня от него закружилась голова, а к горлу подступила тошнота. И когда Чанг, не предупредив, включил свет, я, не успев снять очки, словно уставился прямо на солнце и долго потом еще ходил ослепший.

Чанг предложил прокопать туннель на тот случай, если понадобится отступать. Над этим предложением я думал долго, однако ответил, что такой туннель дорого нам обой-

дется. Я соврал.

Через бывших сослуживцев в морской пехоте Даунинг узнал о складе боеприпасов, которые нам удалось выменять на лекарства и продукты. Боеприпасы мы с Ларсеном сложили в небольшой винный погреб. Бутылок на полках все равно не осталось, – видно, их члены «Хаоса» забрали с собой, а стены в погребе были толстые. Но когда Чанг пришел посмотреть на боеприпасы, он показал на дыру в стене, где он проложил отдельную канализационную трубу. Если здание оцепят и отрежут нас от городского водопровода и канализации, то у нас будет собственная сточная труба, выходящая на крутой заросший склон чуть ниже виллы, и в придачу еще и водопроводная труба, которую Чанг тайком подсоединил к водопроводу внизу, в долине. В том маловероятном случае, если захватчики обнаружат сливное отверстие канализационной трубы и поймут, что она ведет в наш дом, то запросто могут бросить внутрь гранату, однако стены у виллы такие мощные, что большого вреда это не наделает, заверил нас Чанг. Если, конечно, не хранить здесь взрывчатку.

Растолковывал он все это, по обыкновению, сухо и обстоятельно, ничем не выдавая иронии, и как раз поэтому мы с Ларсеном рассмеялись, Чанг же наградил нас печальным взглядом, отчего мы захохотали еще громче. Боеприпасы мы перенесли в прачечную, где держали Брэда. Я посадил его туда, потому что именно там они заперли тело Эми. Мне казалось, что, если обстановка будет напоминать ему о совер-

шенном злодеянии, муки совести будут еще болезненнее.

Закончив перестановку и отведя Брэда в винный погреб, я встал в дверях и посмотрел на Брэда. Лежа на матрасе, он читал одну из книг, которые я отдал ему. За дни в этой тюрьме он уже успел побледнеть и осунуться, хотя мы вдоволь кормили его и каждый день выводили на прогулку в сад.

– Это для чего? – спросил он, показав на отверстие возле своей головы.

– Сливная труба.

– Дерьмо типа меня сливать? – Он отложил книгу и, сжав кулак, сунул руку до локтя в трубу.

– Люди – не дерьмо. Никто из них.

– Если я похудею и смогу залезть внутрь, то где я вылезу?

– На склоне возле дома Полански.

Не знаю, зачем я рассказал ему об этом. А может, знал уже тогда? Я поднял пластиковую ленту, слетевшую с ящика с боеприпасами, свернул и убрал в карман.

– Это чтобы я на ней не повесился? – Брэд усмехнулся.

Я не ответил.

Брэд приподнялся на локте:

– Почему бы вам не покончить с этим и не казнить меня?

Странное ощущение. Он лежал, а я стоял, и он находился в моей власти, однако он будто бы смотрел на меня сверху вниз.

– Потому что мы не такие, как ты. – Я посмотрел ему в глаза.

– Значит, скоро станете. Если доживете.

– Я надеюсь, – сказал я, – что это ты станешь таким, как мы. Или не таким, а лучше нас.

– И что для этого надо – чтобы я всю оставшуюся жизнь просидел взаперти?

– Не факт, что ты снова не сделаешь выбор, который плохо скажется на твоих близких, Брэд.

– Тогда дайте мне шанс. Выпустите меня. Папа заплатит столько, сколько потребуете, обещаю. Нет, столько, сколько я потребую!

Я покачал головой:

– Есть кое-что поважнее, Брэд.

– Да бросьте, что может быть важнее отцовского состояния – оно ж охрененно огромное?

– Выбрать добро, а не зло.

Брэд рассмеялся и подтолкнул книгу по полу в мою сторону:

– Так в этой книжке написано, ага. Леволиберальная херня.

Я посмотрел на обложку. Том Бингем. «Верховенство права». Леволиберальная херня? Это означает, что он, по крайней мере, прочел ее и составил собственное мнение. Возможно, мои надежды оправдались – и я, и все остальные недооценивали интеллектуальные способности Брэда?

– То есть вы утверждаете, будто не хотите отомстить? – спросил он. – Тогда вы врете!

– Возможно, – согласился я, – но казнь – месть недостаточная. Потому что – да, я хочу, чтобы ты раскаивался. Хочу, чтобы тебя мучила та же боль, что и меня, такая, какая появляется, когда теряешь самых любимых. И я хочу, чтобы в тебе поселилось то же чувство вины, что живет во мне, от того что у тебя не хватило сил защитить собственную семью. Я – обычный человек. Однако мы, люди, обладаем уникальной способностью отказываться от быстротечного удовольствия ради более высоких целей.

– Вы прямо как по этой книжке заговорили.

– Прочти ее, – сказал я, – и поговорим.

Я вышел и запер за собой дверь.

Я прошел в спальню, где Хейди с Сэмом играли с двумя трансформерами, которых Сэму подарил на Рождество «дядя Колин» – так было написано на подарочной открытке. Когда Сэм развернул их, мы с Хейди поняли, что, если отобрать их, заменив на менее жестокие игрушки, он будет безутешен.

– Ты, как я погляжу, веселишься, – заметила Хейди.

В голосе ее зазвенела злоба, и я понял, что она слышала наш с Ларсеном смех.

– По крайней мере, пытаюсь, – парировал я, услышав в собственном голосе такую же злобу.

– Ты говорил с ним?

«С ним» – это с Брэдом. Имени его она больше не произносила.

– Я просто заглядывал к нему, – соврал я.

Мало того что я громко смеялся, так теперь придется еще объяснять, почему я веду беседы с убийцей нашей дочери? Да, я говорил Хейди, что наш долг – преодолеть смерть Эми и устремить взгляд в будущее ради нас самих и Сэма. Однако Хейди считала, что если ты не лишен чувств, то имеешь право на скорбь, что такова обратная сторона любви и что если я ее не ощущаю, значит любил Эми слабее, чем утверждаю. Разумеется, ее слова ранили меня, она это поняла и попросила прощения. Я ответил, что все скорбят по-разному и, возможно, способ Хейди лучше, не исключено, что она проработает чувства, которые я подавляю. Я видел – она не верит, что я говорю все это искренне, и все же ей явно нравилось, что я стараюсь пойти ей навстречу.

– Папа, смотри! – Подбежав ко мне, Сэм запрыгнул мне на руки, показал фигурку трансформера и зарычал. – Я Разрушитель! Я умею перевоплощаться! – Он покрутил фигурку, и на ней словно выросло похожее на вилку оружие.

Но потом Сэм вдруг утратил интерес к игрушке и посмотрел мне прямо в глаза:

– А ты умеешь перевоплощаться, папа?

– Ну ясное дело. – Я рассмеялся и потрепал его по голове.

– Тогда покажи!

Я скорчил рожу. Прежде, увидев ее, он смеялся, но теперь лишь молча глядел на меня. Я слегка расстроился. Сэм обхватил меня руками и уткнулся мне в шею. Я посмотрел на

Хейди, и та наградила меня усталой улыбкой.

– По-моему, ему нравится, что папы не перевоплощаются, – сказала она.

С территории имения мы никуда не выходили, пытаюсь не раздражать друг друга. Хотя здесь разместились три семьи, места тут было больше, чем у нас в доме в Даунтауне, и, несмотря на это, нам словно стало теснее. После похищения Хейди все время боялась и постоянно держала Сэма при себе. Даже отпуская его играть с другими детьми в большом саду, она находилась рядом. Я тщетно пытался объяснить ей, что безопаснее места для нас сейчас не нашлось бы, но и это не помогало.

– Они нападут на нас, – сказала она однажды, когда мы сидели в саду и наблюдали, как Сэм играет с двумя детьми Ларсена.

Они бегали по заминированной лужайке, однако мины были деактивированы. Как же радостно было слышать беспечный детский смех, убеждаясь, что они и впрямь чувствуют себя в безопасности – ведь мы так отчаянно старались убедить всех в этом. Про изнасилование Хейди рассказывать отказывалась. Когда я спросил, не лучше ли будет выговориться, она ответила, что просто-напросто не помнит. Там была девушка, которая, к счастью, вынесла Сэма из комнаты, а после этого воспоминания стерлись. В тот момент она думала лишь о Сэме и Эми. Поэтому и рассказывать особо

нечего. Если воспоминания остались у нее в подсознании, пускай пока там и остаются – сейчас Хейди должна жить. Сам я решил, что причина, по которой Хейди удалось вытеснить воспоминания – а нечто подобное происходит и с физической болью, – заключается в том, что более сильная боль часто вытесняет более слабую. А более сильная боль возникла от потери Эми. Я понимал, что именно поэтому Хейди, сильная, заботливая, склонная жертвовать собой женщина, которая при других обстоятельствах взяла бы под крыло лишившихся матери детей Ларсена, сейчас почти избегала их. Роль матери досталась молодой жене Чанга.

– Кто-нибудь, возможно, и попытается, – сказал я, – но потом они передумают и поищут добычу полегче.

– Я не про бандитов, – сказала она, – я про него. Про Колина. Он найдет нас.

– Если мы будем сидеть тихо, то нет.

Я обеспокоенно взглянул на детей. Они раскапывали холмик, где мы похоронили того темнокожего парня, Герберта. Брэд утверждал, будто не знает его фамилии, да и ладно, нам она все равно не пригодилась бы. Никакого креста, да и вообще ничего, свидетельствующего об убийстве, на могиле не было.

– Отец или мать всегда отыщут своего ребенка, – сказала Хейди.

Я не ответил. Знал, что она права.

На следующий день, когда я заглянул в полицейский участок, меня ждали там хорошие новости. Старший инспектор Гарделл выследила одного из членов «Хаоса», некоего Кевина Ванкеля. Это оказалось нетрудно – он все равно сидел в тюрьме. По словам Гарделл, Ванкеля недавно арестовали за ограбление и убийство полицейского. На допросе он сообщил, что состоит в «Хаосе». Но так как «Хаос» пожамотился и не подкинул ему денег на метамфетамин, Ванкель решил ограбить кого-нибудь в одиночку. Он ждал возле стриптиз-клуба, подошел к самому сытому и довольному посетителю и, приставив к его лбу пистолет, потребовал бумажник. Когда жертва, согласно свидетельским показаниям, довольно спокойно заявила, что он – полицейский и что лучше Кевину проваливать побыстрее, Кевин выстрелил. Спустя час его арестовали, когда он пытался купить метамфетамин прямо на улице. Судебный процесс против него уже завершился, его приговорили к пожизненному.

Гарделл показала мне фотографию Ванкеля, но лица его я не узнал, то есть в числе назвавших Брэда убийцей его не было.

– Я поговорила с ним, – сказала Гарделл, – он с превеликой радостью займет свидетельское место и подтвердит, что убийца – Брэд. Наша задача – всего лишь раздобыть ему капелку мета.

– В смысле?

– Я, разумеется, отказалась. Адель Матесон не станет вы-

страивать обвинения на показаниях, купленных за наркотики. Но мы можем попытаться купить Ванкеля, слегка скостив ему срок.

Я посмотрел на снимок и покачал головой:

– Его там вообще не было.

– Что-что?

Я пододвинул снимок обратно и показал на дату:

– Фото сделали за два дня до того, как мы переселились на виллу. Ванкель уже сидел в тюрьме. Ему только наркота нужна – он мать родную за грамм мета продаст.

– Вот дерьмище, – пробормотала Гарделл.

Разочарована она была не меньше моего.

Надежда, которая, появившись, вдруг исчезает, – штука странная. Хотя в участок я пришел, ничего не ожидая, ушел я оттуда расстроенным.

В ту ночь мы с Тупнем свалили с виллы и после этого поселились у Мариш.

Не сказать чтобы она обрадовалась, когда я ей дополнительного гостя притащила, но все же смирилась с тем, что это условие договора. Договор же заключался не только в том, что мы делили крышу над головой, стол и постель, но и в том, что я защищала нас и – когда запасы заканчивались – шла добывать продукты. Как именно, Мария не спрашивала, а я особо не распространялась.

Мы придумали особую уловку: находили узкую дорогу, по

которой ездит мало машин, и Тупень ложился на асфальт. Водители уже давным-давно прекратили останавливаться, увидев лежащего на дороге человека, однако скорость, проезжая мимо, все равно сбрасывали. В эту секунду с противоположной стороны появлялась я на мотоцикле, на дороге получалась маленькая пробка, и, пропуская меня, водитель все-таки останавливался. Если рассчитать время правильно, то останавливался он как раз рядом с Тупнем, тот вскакивал, хватал ствол, на котором лежал, разбивал стекло и орал: «Руки вверх!» – он эту фразу вообще обожает и выкрикивает к месту и не к месту. Так как водители не знали, заодно я с этим коротышкой или нет, они берегли меня и не спешили давить на газ, и этого секундного замешательства мне хватало, чтобы тоже вытащить ствол.

В этот день мы как раз провернули эту штуку: чувак с поднятыми руками сидел в машине, Тупень приставил ему ко лбу пушку, а я обшаривала машину в поисках продуктов и заодно сунула короткий пластиковый шланг в бензиновый бак.

– Руки вверх! – в третий раз заорал Тупень.

– Так я же поднял! – В голосе водителя зазвенело отчаяние.

– Руки вверх!

– Тупень! – одернула его я. – Давай уймись.

Плотно обхватив губами свободный конец шланга, я принялась подсасывать бензин – собиралась перелить его в ка-

нистру, которую заранее поставила на асфальт. Я так сосредоточилась, что услышала их слишком поздно – лишь когда до боли знакомый голос громко проговорил:

– Я и не знал, что лесбиянки сосать умеют.

Я сглотнула, выплюнула бензин и, обернувшись, потянулась за «ремингтоном», хоть и понимала, что опоздала.

Их было трое. Один из близнецов О’Лири приставил пушку к голове Тупня, второй целился в меня из «калаша». На третьем – том, чей голос я слышала, – была красная кожаная куртка. Я знала, что на спине у нее дракон.

– Рагнар, – проговорила я, – давно не виделась.

– Но соскучиться не успела, да? – заулыбался он.

Я приподнялась.

– Постой-ка пока на коленях, Ивонн. Тебе идет. И пускай недомерок уберет пушку, а то мы тут всех перебьем.

Я сглотнула.

– Делай, как он говорит, Тупень. Что, решили нашу добычу забрать?

Рагнар покрутил в руках цепь.

– А ты бы иначе поступила?

– Это много от чего зависит. – Я пожала плечами.

– Если, например, напоролась бы на того, кто свалил, когда его корешей взяли?

– А ты бы иначе поступил?

– Ты нас кинула. «Хаос» не кидает «Хаос». Это правило номер один. Да, чуваки?

– Да, – хором ответили близнецы О’Лири.

– Мы тогда проиграли, – сказала я, – я вас все равно не спасла бы.

– Серьезно? Зато этого гнома спасла, – Рагнар кивнул на Тупня, – и выдрессировала. Я гляжу, он тебе и пользу приносит. Нам тоже такой не помешал бы.

– Как все тогда закончилось? – спросила я.

Рагнар заглянул в пакеты с едой, которые я оставила на дороге.

– Герберта вздернули, Брэда забрали. Остальных отпустили. Придурки.

– А, ну тогда, значит, ты уже снова напал на них.

Рагнар непонимающе смотрел на меня.

– Ну у них же Брэд, а «Хаос» друг друга не кидает, – пояснила я, – он ведь уже попытался Брэда освободить, да, чуваки?

На этот раз близнецы О’Лири не ответили.

Рагнар прищурился еще сильнее. Но меня уже несло.

– Как, нет? Так, может, тебе как раз и хотелось нас с Брэдом слить – ведь главным-то быть круто, да?

Рагнар стиснул цепь, и у него побелели костяшки пальцев.

– Ты всегда много трепалась, Ивонн. Тебе не говорили, что, когда перед тобой «калаш», лучше заткнуться?

Я сглотнула. Вспомнила про девушку по имени Эми. Жаль, я не дала ей тот же совет.

– Я говорил с папашей Брэда. Рассказал ему обо всем,

что произошло. — Рагнар взглянул на близнецов, словно хотел убедиться, что они слышат. — Он сам разберется.

— Как это ты нашел папашу Брэда?

Рагнар пожал плечами:

— Он типа сам нас нашел. Ладно... — он вытащил из паке-та яблоко и откусил от него, — это теперь не мое дело, — он сморщился и отшвырнул яблоко на дорогу, — а ты в курсе, что у сутенеров, которые возле пирса топчутся, карлики и сейчас ценятся?

Я не ответила.

— Помни, Ивонн Без Затычки, я сохранил тебе жизнь, — сказал он и, развернувшись, зашагал к перекрестку.

Похоже, именно там, за углом, они и оставили свои мотоциклы.

— Жратву не забудьте! — бросил он через плечо.

— Ага! — крикнул в ответ тот из близнецов, кто целился в меня. — А стволы тоже забрать?

— Сами-то как думаете?

Хотя близнецы забрали наши пушки, они, целясь в нас с Тупнем из «калашей», все равно пятились, пока не дошли до Рагнара. Я слышала, как заревел мотоцикл Рагнара, — ревел он по-особому хриловато. А потом он выехал из-за угла. Мне понадобилось две секунды, чтобы догадаться, что будет дальше, но Рагнар уже взмахнул цепью. Я вскочила и велела Тупню бежать. Я опоздала секунды на две, не меньше. Чавкнув, крюк впился в плечо Тупня, и я увидела, как его

острие показалось спереди, под ключицей. Тупень с протяжным стоном выпустил воздух. Он вцепился было в стекло, но его оторвало, он пару раз подскочил на асфальте и скрылся за поворотом. Я развернулась, собираясь вскочить на мотоцикл и метнуться следом, когда близнецы поравнялись со мной, а мой мотоцикл затрясся от пулеметной очереди.

Они скрылись из виду, дым развеялся, я опустилась на колени и уставилась на дыры в моем святом и проклятом мотоцикле.

– Подвезти тебя? – спросил водитель машины.

Он так никуда и не уехал.

Я закрыла глаза. Хотелось реветь. Нет, этот город – не место для слез, да и время сейчас неподходящее. Да-да. И все-таки я заревела.

Поздно вечером я возвращался домой, проведя еще один день в бессмысленных поисках членов банды «Хаос». Мне нужен был свидетель-очевидец, кто-то готовый указать на Брэда Лоува.

Проезжая мимо государственной прокуратуры, я заметил, что в некоторых окнах еще горит свет, и, движимый внезапной тягой, завернул на почти пустую парковку возле входа и позвонил в дверь. Мне ответили, и я попросил переключить меня на кабинет государственного обвинителя Адель Матесон. Немного погодя я услышал в селекторе ее голос.

– Я как раз пыталась с вами связаться, – сказала она, – я уже скоро домой собираюсь, подождете пять минут?

Через пять минут она вышла из здания. Одета Адель Матесон была так же, как и во время нашей прошлой встречи, – даже блузка та же. Адель Матесон зашагала к парковке. С внутренней стороны туфли у нее стерлись, отчего она казалась кривоногой.

– Вы поможете мне отыскать Брэда Лоува? – спросила она.

– Я же сказал...

– Ничего лишнего вы не сказали, и я попросила бы вас и дальше действовать так же. Вы постараетесь сделать так, чтобы он предстал перед судом, – да или нет?

– Да... – удивленно проговорил я.

– Хорошо. Его близких мы известили, что ему выдвинуто обвинение, а теперь сообщаем об этом и вам. Это означает, что вы и те, кто вместе с вами искал Эми, выступят свидетелями.

– Это означает?..

Мы остановились возле красного «феррари». Мне с трудом верилось, что эта спортивная машина, приземистая и сексуальная, принадлежит ей, однако Адель Матесон распахнула дверцу.

– Я ничего не обещаю, – проговорила она, – скажу лишь, что государственная прокуратура пришла к выводу, что у нас достаточно оснований обвинить Брэда Лоува в убийстве.

IX

Они напали перед самым рассветом.

Они были в полной готовности; судя по всему, ознакомились с планом дома и ожидали, что могут встретить сопротивление.

Одетые в камуфляжную форму, они неслышно скользили через стену, словно дельфины по воде.

– Это профи, – сказал Даунинг, откинувшись на спинку кресла и глядя на экраны.

Меньше двух минут прошло с того момента, когда сработали беззвучные индикаторы тревоги, установленные на внешней стороне стены, и до того, когда дежуривший сегодня Даунинг разбудил нас и собрал в подвале. Женщины и дети заперлись в убежище напротив камеры Брэда, а мы с Даунингом, Чангом и Ларсеном расположились в контрольном пункте в противоположном конце подвала.

Наши замаскированные камеры – обычные оптические прицелы с функцией ночного видения – смотрели на захватчиков, которые, собравшись возле стены, тут же рассыпались по участку, окружая дом со всех сторон.

Новые бойцы не появлялись.

– Примерно тридцать человек, – прикинул Даунинг, – оружие разное, но в основном легкие автоматические винтовки. Ни ручных гранат, ни огнеметов я не вижу, значит го-

товятся действовать ювелирно. Погибнут только те, кто должен погибнуть.

Все, кроме Брэда, подумал я, но промолчал.

– И приборы ночного видения, того же типа, что и у меня. Это, ребята, опытные ветераны, хуже противника не придумаешь.

– Их так много, – выдавил Ларсен. Судя по голосу, он дрожал. – Может, мины активируем?

– Это сценарий номер два, – ответил Даунинг, легко постукивая пальцами по столешнице возле клавиатуры, – а что это означает, Ларсен?

Ларсен сглотнул – с бульканьем, какое издает бутылка.

– Что мины и самострельные ружья активируются только после нападения, – прошептал он.

– Вот именно. Чанг?

– Да, – подал голос Чанг.

Он отлучался проверить, все ли женщины и дети укрылись в убежище, и только что вернулся.

– Когда сработают мины и самострельные ружья, включай ток в стене. Сбежать отсюда никто не должен.

– Ясно.

– Адамс, отвечаешь за дрон и докладываешь обстановку.

– Принято. – Военный полужаргон я уже освоил.

– Ларсен, пулеметы готовы, так?

– Ага. – Ларсен уселся удобнее и потянулся к пульту управления.

Всем нам хотелось выглядеть храбрее, чем мы были на самом деле. И в то же время, по-моему, все мы отчасти радовались: то, к чему мы готовились и на что настраивались, наконец-то происходит.

– Отлично, значит, сценарий два. Когда они двигаются, я начинаю обратный отсчет с трех, дохожу до нуля – и активируем. Вопросы есть?

Молчание.

– Готовы?

«Да» – в три голоса.

В жизни многое происходит не так, как в кино.

Но у нас все было именно так, как в фильмах.

Следующие секунды – потому что, как показали потом видеозаписи, длилось это всего несколько секунд – были такими же ненастоящими, как если бы я наблюдал за происходящим по телевизору.

Когда они напали и мы включили прожекторы, когда мины стали рваться, а части тел – разлетаться в разные стороны, когда самострельные ружья начали поражать одного бойца за другим, когда многие из захватчиков, отчаявшись, отступили и бросились карабкаться по находящейся под током стене, а я, наблюдая в камеру дрона, как валяются на землю тела, как они трясутся и как пули из ларсеновского пулемета заставляют эти тела замереть, – в эти секунды сложно было поверить, что все это происходит наяву.

Потом взрывы и выстрелы умолкли и все неожиданно

стихло.

Кто-то из раненых громко звал на помощь. Ларсен – сидевший возле Даунинга и управлявший пулеметом при помощи джойстика, как в компьютерной игре, – прекратил стрельбу. Он смотрел на мониторы, в том числе и тот, куда передавалось изображение с моего дрона. Вглядевшись в него, он прицелился. Теперь Ларсен ограничивался лишь короткими очередями. После каждой очереди крики о помощи раздавались все тише.

Вскоре над виллой повисла тишина.

Мы смотрели на монитор. Трупы валялись повсюду.

– Мы их разбили, – осторожно сказал Чанг, будто и сам не верил собственным словам.

– Йу-ху! – Ларсен вскинул руки.

В его глазах словно включили выключенный давным-давно свет.

Я переправил дрон через стену. В сотне метров вниз по холму стояли три мощных броневика с заведенными двигателями. И еще внедорожник, показавшийся мне знакомым.

– Снаружи их кто-то ждет, – сказал я, – включим громкоговоритель и скажем, что откроем ворота и пускай заберут мертвых?

– погоди, – сказал Даунинг, – смотри.

Он показал на индикаторы тревоги. Один из них светился.

– Кто-то выбил окно в кухне, – добавил он.

Я вернул дрон обратно. И правда, ставню перед окном,

видимо орудуя ломом, свернули в сторону.

– Это свободный художник, – сказал Даунинг. Он водрузил на себя прибор ночного видения и схватил ружье. – Адамс, за старшего тут.

В следующую секунду он скрылся в темноте коридора.

Мы переглянулись. Свободными художниками, как мы знали, называются солдаты, действующие независимо от остальных. Приказов они иногда не дожидаются и молниеносно реагируют, если представится возможность. Мы прислушались, но шагов Даунинга не услышали. Он успел показать нам технику ниндзя, позволяющую бесшумно передвигаться, однако времени потренировать приемы ближнего боя у нас не было – вся наша подготовка основывалась на убеждении, что в дом никто не проникнет.

Раздался выстрел, мы вздрогнули.

А потом такой звук, словно кто-то покатился по лестнице.

Мы выжидали. Я с такой силой вцепился в ружье, что рука заболела.

Я досчитал до десяти, но Даунинг все не возвращался, поэтому я обернулся к остальным:

– Даунинга подстрелили.

– Этот свободный художник до убежища не доберется, – уверенно заявил Чанг.

– Но он может Брэда освободить, – сказал я, – я пойду.

– Ты чего, спятил? – прошипел Ларсен. – У свободного художника прибор ночного видения. У тебя нет шансов, Уилл!

– Как раз это-то и есть мой шанс.

Я удостоверился, что оружие заряжено и снято с предохранителя.

– В смысле?

Я показал на панель управления, на выключатель, отвечающий за свет во всем доме.

– Как только я выйду, включи свет, а через восемь секунд выключи и после включай и выключай каждые пять секунд.

– Но...

– Делай, как он велит, – сказал Чанг.

Он, похоже, все понял.

Открыв дверь, я выскользнул в темноту. В доме зажегся свет. Я бросился к лестнице. Если я и смахивал на ниндзя, то на ниндзя-носорога. У лестницы лежал Даунинг. За очками ночного видения глаз не разглядишь, но я знал, что он мертв: во лбу у него зияла дыра. Я отсчитал про себя несколько секунд и снял с него очки. Приближение врага я скорее не слышал, а ощущал и надеялся лишь, что свет задержал его и что он снял очки.

Шесть, семь.

Я едва успел надеть очки, как свет погас. Теперь я слышал шаги – они удалялись. Он отступает, собирается опять надеть очки.

Я двинулся на звук. Ступать я старался осторожно, но полагал, что сейчас, когда он сам шагает, слышит меня не так отчетливо.

Я приблизился к концу коридора, где справа располагалось убежище, а слева – винный погреб, в котором сидел Брэд. Я принялся считать. Три, четыре. Я сдвинул на лоб очки и свернул за угол, направо, как раз в тот момент, когда включился свет.

Пусто.

Я обернулся, и там – в семи или восьми метрах от меня, возле двери в погреб Брэда, стоял он. Одетый не в камуфляж, а в черное. Он повернулся ко мне на звук, потому что видеть уж точно ничего не мог, и поднял руку, чтобы снять очки ночного видения.

Возможно, это из-за маски мне было так легко, не знаю, но я опустился на колено и выстрелил в него. К моему удивлению и ужасу, похоже, ни одна из пуль в цель не попала. Он сбросил очки, так что те отлетели в сторону, и открыл огонь. Коридор наполнился грохотом выстрелов. Боли я не чувствовал, лишь удар в левое плечо, как будто после дружеского тычка, однако рука обессилела, и ружье упало на пол.

Свободный художник видел мою беспомощность, но вместо того, чтобы палить в меня, он вскинул оружие к плечу. Судя по всему, для него было делом принципа поразить врага выстрелом в лоб.

Я поднял правую руку, и на секунду он замешкался, словно этот общеизвестный вневременной жест, свидетельствующий о капитуляции, пробудил в нем некие инстинкты. Потому что мне нравится думать, что великодушные – это ин-

стинкт.

Пять...

Дом погрузился в темноту, я распластался на полу и откатился в сторону, а он выстрелил. Я надвинул очки на глаза и, увидев в болотно-зеленом свете его фигуру, поднял правой рукой оружие и надавил на спусковой крючок. Один выстрел, и еще один. Второй попал в цель. И третий. Четвертая пуля пролетела мимо и срикошетила от стены у него за спиной. Зато пятая, кажется, угодила куда надо. И шестая.

Пока я расстреливал всю обойму, свет гас и загорался дважды. Позже, когда они уже забрали своих убитых и раненых, а я снял очки, меня вдруг осенило: а ведь меня не тошнило и голова, как прежде, не кружилась. Совсем наоборот – никогда еще я не чувствовал себя более уравновешенным и собранным.

На рассвете, впервые с того дня, когда исчезла Эми, Хейди забралась ко мне в кровать и обняла меня. Я поцеловал ее, а затем мы – правда, с большей осторожностью, чем обычно, – занялись любовью.

Х

Спустя несколько дней после того, как мы отразили нападение, я снова наведалься на Крысиный остров. Колин снова ждал меня на пристани. Он похудел. Не постройнел, а именно похудел.

Пока мы шли к зданию бывшей тюрьмы, мимо нас снова шли крысы.

– Их больше развелось. – Я посмотрел на валуны на берегу.

В прошлый мой приезд они были белыми, но сейчас почернели, однако не потому, что их намочили волны, как я предположил, разглядывая берег с лодки, а оттого, что на них сидели крысы.

– По-моему, они ночью приплывают, – Колин проследил за моим взглядом, – они боятся.

– Чего же?

– Других крыс. На материке еда скоро закончится, и крысы начали пожирать друг дружку. Поэтому более мелкие крысы бегут сюда.

– То есть друг дружку есть они не станут?

– В самом крайнем случае.

Мы вошли в тюрьму, в ту ее часть, что была оборудована как богатое жилище, похожее на средневековую крепость. Лайза ждала меня на площадке лестницы, ведущей на второй

этаж. Она пожала мне руку. Прежде мы при встрече обнимались. После пандемии этот обычай стерся из правил этикета, и все же не прикасаться друг к другу мы старались не только поэтому. Отсутствие Эми и Брэда словно сделало их чересчур настоящими.

Лайза сослалась на дела и исчезла, а мы с Колином прошли в просторную, но скромно обставленную столовую, и как раз вовремя: в противоположную дверь выбежала на удивление крупная крыса.

– Охренеть, какая огромная, – удивился я.

– Но это она от нас убегает, а не наоборот, – сказал Колин, но тут же вздохнул. – Хотя это, пожалуй, вопрос времени.

Мы сели, а двое официантов положили нам на колени белые салфетки. Еду нам накладывали прямо из кастрюли.

– На блюде подавать нельзя, – пояснил Колин, – крысы повсюду, и стоит им увидеть еду, как у них все страхи исчезают. Они плодятся быстрее, чем мы успеваем их истреблять.

Я взглянул на куски мяса в тягучем коричневом соусе. Разумеется, мясо принадлежало животным, которыми мы привыкли питаться, однако мысль мне в голову уже заронили, и дальше фантазию было не остановить.

– Спасибо, что согласился приехать, – сказал Колин, у которого, похоже, тоже аппетита не было, – учитывая все случившееся.

– Ты напал на нас, – проговорил я, – и убил одного из наших.

– А ты убил девятнадцать наших и держишь в плену моего сына.

– В предварительном заключении, – поправил его я, – в ожидании справедливого судебного разбирательства. От государственных обвинителей ты узнал, что Брэд предстанет перед судом, и все равно напал. Потому что знаешь – его признают виновным.

– Ты ставишь себя превыше закона.

– А я думал, ты в закон не веришь.

– Нет, но ты-то утверждаешь, будто веришь. И упрекнуть человека можно, только когда он предал свои собственные принципы, а не чужие.

– Или когда у него вообще нет принципов.

Колин едва заметно улыбнулся. Я понял почему. Такие словесные перепалки мы вели в далекой юности, в дальнейшем развили это искусство, блистая в школьном клубе ораторов, а впоследствии прибегали к ним, когда моей работой стало оказывать сопротивление его чересчур торопливому уму. Как обычно, последний укол остался за Колином.

– Не иметь принципов – это тоже принцип, Уилл. Например, строго придерживаться убеждения, что никакие принципы не должны мешать жизни – твоей собственной и твоих близких.

Я посмотрел на руки. Обычно они у меня дрожат – это началось примерно в то же время, что и пандемия. Но теперь не дрожали.

– Чего тебе надо, Колин?

– Мне нужны Брэд и твоя вилла.

Я не засмеялся и даже не улыбнулся. Я лишь положил салфетку на стол и встал.

– погоди, – Колин тоже встал и поднял руку, – ты не знаешь, что я предлагаю.

– У тебя, Колин, нет ничего, что мне понадобилось бы. Неужели тебе это не ясно?

– Тебе, может, и нет, а Хейди и Сэму? Вдруг я способен дать им новую жизнь, лучше этой, шанс построить общество, в котором правит закон? Ты слышал про авианосец «Новые рубежи»? Отплытие уже скоро, и на борт он примет только три тысячи пятьсот человек. У меня есть три билета на этот корабль, за них я некоторое время назад целое состояние выложил. Сейчас билетов уже не достать, сколько ни предложи. В обмен на Брэда и виллу я отдам тебе мои три билета.

Я помотал головой:

– Оставь свои билеты себе, Колин. Позволить Брэду избежать наказания – оскорбление памяти Эми.

– Смотрите-ка, а вот и наш великодушный Уилл Адамс. То есть главное – это все-таки не принципы правового государства в масштабах человечества, а отомстить за собственную дочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.